

АЛЕКСАНДР КИРИЛЛОВ

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

БУДЕМ ЖИТЬ ПО-НОВОМУ!
СОПРОТИВЛЕНЕЦ. Книга 1

Александр Кириллов

**Будем жить по-новому!
Сопроводитель. Книга 1**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кириллов А. Л.

Будем жить по-новому! Сопротивленец. Книга 1 /
А. Л. Кириллов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-99548-2

Сознание нашего современника, военного пенсионера Александра Королева, перемещается через временной портал из июля 2020 в июль 1941 года в тело 27-летнего командира стрелковой роты старшего лейтенанта Александра Кольцова, отступающего с бойцами своей роты под ударами немецко-фашистских захватчиков к Москве. Александру ничего не остается, как принять данную реальность и начать новую жизнь с учетом своего опыта и знаний будущего. В сюжет книги вместе с реальными командирами воинских частей введены «придуманные» персонажи и «боевые» операции. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-99548-2

© Кириллов А. Л., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1. Вот это я прогулялся – первый бой	5
Глава 2. На пути к Орше	17
Глава 3. Командир взвода разведки	21
Глава 4. Ельнинское наступление	26
Глава 5. Проблемы, однако	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александр Кириллов

Будем жить по-новому!

Сопротивленец. Книга 1

Глава 1. Вот это я прогулялся – первый бой

Время обычного июльского воскресного утра 2020 года уверенно двигалось к полдню, отличная солнечная погода радовала глаз, а легкий летний ветерок приятно обдувал тело, залетая в открытое окно. В общем, все просто звало выйти на природу и вкусить все прелести лета.

Я, Александр Леонидович Королев, 50-ти летний военный пенсионер, отдавший более 20 лет службе Российскому государству, а ныне инженер в одной из строительных компаний, посмотрев в окно на улицу, решил поддаться этому настрою, собрался для отдыха на природе и выдвинулся на прогулку. Машину брать не захотелось, поэтому дошел пешочком до автовокзала, где была конечная остановка многих загородных маршрутов, сел на автобус, и поехал за город в сторону, противоположную течению нашей речки. Вышел я на конечной остановке и неторопливо пошел искать место, где в тишине можно будет посидеть в тени деревьев или позагорать, а может и поплавать, если будет настроение, одним словом, отдохнуть от городской суеты.

Я шел по проселочной дороге, периодически спускаясь к реке, если казалось, что вижу подходящее место. Но, либо оно было занято отдыхающими, либо просто не нравилось, и я продолжал свой путь дальше. Вот! Похоже, это то, что надо, симпатичный островок белого песка метров десяти длиной, слева и справа камыши, растет плакучая ива, ветви которой красиво свисают к реке, создавая комфортную тень.

«Хорошо-то как!» – подумал я, глядя на эту умиротворяющую картину, решив не искать ничего лучшего, а спуститься к этому «оазису». Правда, придется немного прыгнуть – подмытый берег представлял собой небольшой обрывчик, порядка 40 сантиметров высотой. Присматривая место, где буду совершать свой героический спуск с этой террасы, что-то меня озадачило в увиденном. Присмотревшись вперед, меня ракурс зрения, я увидел, что посередине песочного пляжа виднеется непонятный феномен – по воздуху пробегали какие-то искорки и он, как будто, плыл в пространстве. Такой эффект плывущего воздуха наблюдается в летнюю жару, когда столбик термометра поднимается к 45-50 градусам Цельсия, особенно в степи или пустыне, а, если еще добавить галлюцинации перегретой головы и тела, то спокойно можно увидеть мираж. И вот, рассматривая это, я совершенно случайно, не специально, стоя на краю обрыва, оступился, моя нога соскользнула вниз и, чтобы не упасть, я побежал вперед по песку и со всего маху влетел в это марево. Пришла темнота.

«Что за ерунда, почему так болит голова!?» – подумал я, пытаюсь разлепить веки. Не удалось – ладно, полежу еще немного, очухаюсь». Полежав еще, я пошевелился, пристраивая свою голову поудобнее.

«Товарищ старший лейтенант, товарищ старший лейтенант, вы живой, очнулись!», – бубнил какой-то голос, смутно знакомый, хотя было ощущение, что, не мне знакомый, но голос я откуда-то знаю.

Я открыл глаза, передо мной сидели четверо солдат: три рядовых красноармейца и старший сержант.

– Товарищ старший лейтенант, а мы хотели носилки из жердей вязать, хорошо, что вы очнулись, как вы – тело своё чувствуете, пошевелитесь, подняться и идти сможете?

– Пока не знаю! Что это было, почему я лежу на земле?

– Бомбили нас, но хорошо, что улетели, гады. А вас, видать, комлем земли по голове ударило.

– Я что – стоял?

– Никак нет, все мы с дороги к деревьям рванули и залегли, как они стали бомбить, а немцы еще из пулемета прошлись по дороге.

Из глубины памяти стали всплывать странные образы.

Мы идем колонной, вокруг дороги лес, перемежаемый колосющимися полями, остатки нашего полка количеством порядка 300 красноармейцев и командиров. Вдали послышался звук, а за несколько недель войны это стал очень узнаваемый звук – рев летящего самолета. Мы уже научились определять «не наши» самолеты, потому что, в основном, летали немецкие. Многим, а мне по фильмам о войне, хорошо был известен характерный звук немецкого бомбардировщика «Ju-87» или в народе называемого «лаптёжник», при пикировании. Оглушительный вой сирен, установленных на обтекателях шасси этих пикирующих бомбардировщиков, сильно давил на психику, особенно, если ничего нельзя было ему противопоставить и отбиться. Для многих людей этот страшный монотонный звук, возможно, было последнее, что они слышали в своей жизни. Вот над нашей колонной заходит звено немецких самолётов, а мы в ожидании неминуемой бомбёжки разбегаемся, стараясь как можно быстрее пробежать метров сорок до леса, чтобы укрыться под деревьями. Вроде и недалеко бежать, должен успеть. Заходя на пикирование, летчики расстреливают нас из авиапулеметов «MG-15», однако, это 1250 выстрелов в минуту пуль калибра 7,92 мм, что является очень серьезным аргументом, чтобы ускориться и спрятаться. Вот падают наши ребята с разорванными телами, оторванными конечностями, а учитывая, что госпиталя в округе не наблюдается, то, если и выжил после попадания пули, от болевого шока и кровопотери точно помрешь. Вокруг взрываются бомбы, я вжимаюсь в землю, близкий взрыв, летят комья земли и приходит темнота. Хорошо, что я в каске – и живой остался, и голова цела.

Я встаю, бойцы поддержали меня, вроде приложило не капитально, хотя легкое сотрясение есть. Ощупываю себя, на руке кровь на волосах над виском, видать, маленький камушек прилетел, от большого бы не встал.

– Спасибо, мужики, вроде в норме, как говорится, чему там болеть – кости.

Бойцы улыбаются, напряжение потихоньку отпускает.

Идя по дороге и слушая далекую канонаду слева, справа и сзади, пытаюсь собраться с мыслями. Так, так, начитался книжек про попаданцев, нравилось ведь, зачитывался вечерами, как наши соотечественники попадали в другие времена, после чего внедрялись в местное общество, искусно маскировались и спасали Русь-матушку. Вот теперь и ты, герой, должен спасти, для начала себя, а так поглядим, что можно сделать и чего спасти. В общем, объективно оценивая свои возможности, надо быть тем, кем я тут оказался, вселившись в чужое тело, то есть старшим лейтенантом рабоче-крестьянской Красной армии или РККА, потому что никому я такой умный и знающий не нужен, особенно, если в чем-то ошибусь.

Все-таки я получил советское образование, да и, как любитель истории, интересовался прошлым страны, в частности событиями Великой Отечественной войны – фильмы смотрел, читал мемуары маршалов наших и немецких, то есть, общие вехи войны, включая военные операции, как наши, так и германские знаю. Но, чтобы точно помнить, как оно всё было – таких знаний, увы, у меня не было. А вот психология современных людей для меня штука темная, как они поведут себя, узнав, кто я такой? И на уровне какого-нибудь зачуханного, но очень идейного и бдительного политрука, например нашего батальона, вполне могут шлепнуть, как шпиона империализма. И не узнает товарищ Сталин, что я к ним попал из самого будущего. Хорошо, что память реципиента моего, как бы и не пропала совсем, а всплывает по

мере надобности. Это мне повезло, видать, камушек был не такой уж и маленький, что душа старшего лейтенанта улетела на небо. Кстати, кто я по батюшке-то?

Достал свои документы и посмотрел, что тут у меня есть: вещевая книжка, военный билет, расчетная книжка – хоть знать буду, что имел командир среднего командного состава. Хотя, если подумать, то получается, что итак знаю – всплыли данные в голове «прошлого жильца» этого тела, только медленно, как у «тормоза» какого-то, но это можно сейчас на контузию списывать, живые свидетели пока есть. Открыл военный билет, откуда с фотографии на меня смотрел молодой парень, и стал читать, что я, Кольцов Александр Павлович, 12.12.1914 года рождения, выпускник Подольского стрелково-пулеметного училища. В результате реорганизации РККА прибыл почти перед самой войной в маленький городишко Белосток в 10-ю армию Западного Особого военного округа, под командованием генерал-майора К. Д. Голубева, где принял пехотную, а, точнее сказать, стрелковую роту, и тянул свою командирскую лямку.

Родом был из-под Ростова-на-Дону, родителей потерял в 1932 году в результате работы комиссии под председательством Кагановича, прибывшей на Северный Кавказ в город Ростов-на-Дону в рамках проводимой правительством СССР кампании хлебозаготовок и раскулачивания средних хозяйств. В результате, комиссией были проведены мероприятия по аресту всех «социально чуждых и контрреволюционных элементов», проведен суд над ними по ускоренной процедуре, которую обеспечивало ОГПУ. За ноябрь 1932 года 5 тысяч сельских коммунистов Северного Кавказа, обвинённых в «преступном сочувствии» и «подрыву» кампании хлебозаготовок, были арестованы и частично расстреляны, а вместе с ними – ещё 15 тысяч колхозников. Потом был детский дом в Ростове-на-Дону, а дальше военная карьера.

Посмотрел на себя, пощупал мускулы, ну, что сказать: «Не Шварценеггер, но вполне тренированный сухощавый парень 180 сантиметров росту, брюнет, особенно ничем не занимался, кроме общеукрепляющей армейской гимнастики. Тут уже я сам мог дополнить навыки реципиента из своей школьно-студенческой спортивной жизни – немного самбо, хотя подсечки и броски тут особо «не катят», разве что удушающие приемы и заломы рук пригодятся; занятия боксом, что, в итоге, дало неплохо поставленный удар с обеих рук и, особенно актуальные сейчас, занятия в футбольной и баскетбольной секциях. Но главное было то, что в 21 веке человек обладает доступом к намного большему объему информации, чем обладали жители сороковых годов прошлого века, что позволяет несколько абстрактнее и объемнее смотреть на ситуацию, глубже анализировать ее и принимать решение. А уж обрабатывать информацию нас учили, как в институте, так и на службе. Удалось мне потренироваться на открытых семинарах, которые проводил А.А. Кадочников, а впоследствии и его сын, получив представление о его системе в целом, и некоторые базовые навыки владения своим телом и кое-какими приемами с целью причинения вреда телам других людей.

Что еще можно было сказать, оказывается, я теперь знаю немецкий язык на разговорном уровне, что в нынешнее время большой плюс. За настоящего немца не сойду, но понять и, вполне сносно, что-то пробурчать в ответ, если придется, смогу. Кольцов язык изучал целенаправленно. Сам я в свое время в школе и институте изучал английский язык, побывал во многих странах, где с удовольствием общался с местными аборигенами на местно-английском диалекте, также приходилось иметь дела с мануалами к различной технике, компьютерными программами, игрушками – куда же без них-то, поэтому на английском тоже вполне мог объясняться.

Что еще вспоминается о времени и месте, куда я попал. Командующий группы армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок давил на РККА в центре фронта, а 3-я танковая группа, наступавшая из района Сувалок и 2-я танковая группа, наступавшая из района Бреста, при поддержке пехотных соединений, сильными фланговыми ударами практически окружила, соединившись восточнее Белостока, и перемолола отстающие советские войска. В течение

всей кампании 1941 года немцы «любили» атаковать «клещами», а чего ж не атаковать – силы свежие были и, по своей морде еще не получали, перли нахрапом, но грамотно. Мы контратаковали и даже смогли приостановить каток вермахта под Гродно, но боковые удары моторизованных частей и полное господство в воздухе 2-го воздушного флота фельдмаршала Кессельринга, снова заставили РККА отступать.

Сейчас мы отступаем. Огрызаясь, оставляя заслоны на реках и возле мостов, которые сминали наступающие гитлеровские передовые части, мы снова отступаем. Уже далеко позади остался Минск, который 28 июня, то есть две недели назад взяли гитлеровцы, а мы идем и идем к Москве, чтобы по команде командиров собраться, перегруппироваться, зацепиться за очередной рубеж и держать врага.

Из прочитанных книг вспоминалось, что к началу-середине июля 1941 года основные силы Западного фронта, попав в окружение под Белостоком и Минском, оказались частично разгромлены, частично дезертировали, частично ушли в партизаны, а частично попали в плен. От фронта осталось лишь 16 дивизий, из которых только восемь сохранили от 30 до 50 % боевого состава. Остальные представляли собой разрозненные отряды до нескольких сотен человек без автотранспорта и тяжёлого вооружения. Таким отрядом являлась и наша группа.

Размышляя о своих будущих телодвижениях, решил для себя действовать по принципу «давай вперед и не бойся», а там разберемся. От моей роты осталось человек десять бойцов, главное, что вспомнил фамилии этих молодых парней по 20-25 годков, стоящих рядом. Надо же так совпало, а может быть, кто развлекался в отделе кадров, но в одном отделении служили рядовые Сергей Орлов, Женя Воробьев и Иван Грачев, Андрей Чайкин со старшим сержантом Петром Птицыным во главе, остальные солдатики того же возраста, да старшина Владимир Филиппов – бывалый, спокойный красноармеец, где-то под сорок лет. Еще стояли сержант Михаил Боголюбов, бывший студент медицинского института, бросивший институт по каким-то семейным причинам. Он входил в медицинский взвод полка, но частенько в свободное время бывал в нашей роте, «корешуя» со своим другом старшим сержантом срочной службы Сергеем Петровым, будучи 23-х и 20-ти лет, соответственно.

Впереди колонны идут наш командир батальона капитан Васильев и батальонный комиссар – это неплохо, что они живые. В общем, после налета человек тридцать осталось лежать на земле, красноармейцы их уложили вдоль леса и, собрав документы, передали комиссару. Бредем дальше по дороге, с нами две телеги, лошадей которых убило, и теперь мы, меняясь по очереди, вдесятером толкаем каждую из них. На них везут три противотанковых ружья с несколькими патронными ящиками к ним, диски и сумки с пулеметными лентами к ручному и станковому пулеметам «Дегтярева», крупы в мешках, а сверху них на шинелях уложены двое наших раненых, которые еще живы, но идти не могут. Сзади к телеге прицеплена полевая кухня. Пушки, минометы и все, чем был укомплектован наш стрелковый полк – все было оставлено на позициях или брошено по пути из-за расстрелянного боезапаса.

Солнце, совершив свой дневной круг, плавно опускалось за горизонт, а мне сильно хотелось есть. Что ж это за «попаданство» такое. Почти день прошли, пережили 3 налета, а я ни одного подвига не совершил, только в ямах или под деревьями прятался, да в землю вжимался – страшно. Все-таки из мирной жизни попасть туда, где смерть обыденна – к этому надо привыкнуть.

Подшли к какой-то речке, возле моста через нее стоит заслон – три красноармейца с молоденьким лейтенантом во главе, а сколько за деревьями прячется, не понять.

«Стой, кто такие!?» – закричал лейтенант.

Наш Васильев подошел, переговорил с товарищами и объявил нам: «Батальон, слушай боевой приказ. На станции Толочин формируются госпитальные поезда, там же находится штаб нашего корпуса с командующим генерал-майором Рубцовым, точнее, те из корпуса, кто остался жив. Туда же стягиваются и бойцы, кто дошел. Хотя скажу прямо, дошли немногие

наши товарищи, сильно потрепал враг наш корпус под Белостоком. Но наша задача – закрепиться на этом берегу и стоять сутки, а если надо, то и больше, пока не будет приказа отступить».

Что мы еще узнали. Речка называлась Друть и впереди по дороге километрах в семи расположена станция Толочин. Перед нашими позициями остались поля – картошка «бульба» растет, жаль, что еще рано урожай снимать, а за речкой на нашей стороне прямо у нас за спиной стоит лесной массив. Позиция наша, в принципе, ничего – тебя не видно, можно и отступить, если что, а потом вернуться на исходные позиции.

Объявили привал, кто пошел пить воду и умыться в мелкой речке с теплой водой. Дно у нее илистое и камыши кустами растут вдоль берегов – хорошая преграда может быть. В общем, расслабились мы, малость, ополоснулись от пыли, ноги в воде отдыхают. Все ж хорошо, что мы, похоже, выскользнули из котла. А впереди в конце августа ждет нас Смоленск со своей смоленской оборонительной операцией, где мы маленько «отоварим» немцев под Ельней. Ладно, это все высокие материи, а я пока плыву «по течению».

Васильев разбил людей повзводно и определил сектора ответственности. Сам он осуществляет стратегическое руководство. Первым сводным взводом, залегшим слева от моста, командует наш батальонный комиссар, в центре, вместе с солдатами заслона, расположился второй сводный взвод с самим капитаном, и справа я со своим взводом, а больше командиров-то и не осталось. К остаткам моей родной роты добавили еще человек пятьдесят. Контролировали мы метров 500 вдоль реки.

– Двум красноармейцам, кто постарше и опытнее, углубиться в лес метров на триста и разведать, что там: топь, заливной лес с водой или сухая земля. Смотрите ложбины и другие естественные укрытия, которые нам очень пригодятся, когда нас будут долбить артиллерией или бомбами. Будет, куда отступить и переждать обстрел. Остальным копать окопы, пока вода не выступит и, чем глубже, хоть до полного профиля, тем лучше.

Слышу, бухтят «итак сил нет, а еще копать».

– Ребята, сами спасибо скажите, когда будет куда спрятаться. Бруствер из земли прострелят из автомата на раз, а так будет куда залечь и отсидеться.

На краю залегли Грачёв с Воробьёвым, пристроив противотанковое ружье, копая окоп на двоих. Пулеметчиков мне во взвод не попало, пришлось брать пулемет «Дегтярева» себе, да 4 диска по 230 патронов, негусто, но он лишним не будет. Бойцы вооружены нашей проверенной годами трехлинейной винтовкой Мосина, которая почти 60 лет с некоторыми модернизациями стоит на вооружении нашей армии. Недалеко прилег наш снайпер с «СВТ-38» бурят Иванов Ардан, охотник. Правильно, кто, как не потомственные охотники будут снайперами, умеющими незаметно ходить по лесу, выжидать, обращать внимание на движение веток, поведение птиц, да еще и «белку в глаз» бить. Еще одним нашим снайпером был рядовой Малеев Леша, русский парень лет двадцати, имевший разряд по пулевой стрельбе.

Окопы отрыли на стыке деревьев и прибрежной пустоши. Земля мягкая, копать легко, но корни деревьев задолбали. Рыли поближе к дереву, с расчетом на то, чтобы ствол обзору не мешал, но прикрывал от пуль, в общем, подготовились. Дал команду бойцам помочь и нашим следопытам зарыться в землю, пока они обследуют лес.

Подшли мужики и доложили, что земля тут сухая, они метров на 700 вглубь прошли, лощин нет, лес ровный, но крона хорошая, густая, сверху с самолетов не должны быть видны наши передвижения.

Стоящий здесь до нас заслон насчитывал порядка взвода красноармейцев. Свою пушку сорокапятку они врыли под деревьями наполовину своей высоты в землю, расположив её практически вдоль моста под деревьями. На прямую наводку, что ли решили поставить, так пробьют ли они лобовую броню, например «PzKpfw IV»? Тот же тоже на прямую наводку вдарить может из своей 76-мм пушки. Ну, лейтенанту-артиллеристу виднее. Тут и наши хозяйствен-

ники подсустились, кашей накормили, поэтому жить стало веселее. Распределил дежурства и скомандовал отбой. Ночь прошла спокойно, никто нас не тревожил, часовые бдили, хотя я с непривычки, часто просыпался, ходил проверять часовых в своей зоне ответственности, но все было нормально.

Наступало утро. Солнце взошло, утренний ветерок нес прохладу, даже не верилось, что я на войне. Напротив в лесу раздавался приближающийся гул моторов и скоро на дорогу, по которой мы шли, змеей стала выкатываться колонна танков. Первыми выползли пять легких танков-разведчиков «Pz II» и, растекаясь веером, они двинулись по полю. За ними показались серые фигурки немецких солдат, бегущих к нам. Видать немецкие офицеры изучили утром в бинокли диспозицию, увидели, что их тут ждут, и решили провести разведку боем. Им надо было преодолеть примерно километр полей, чтобы подойти к речке и попытаться форсировать ее. Танки быстро рванули по полю в нашу сторону, стреляя на ходу. Посыпались ветки, взорванная земля, но это так, скорее для остротки, одним словом, щупают нашу оборону. Пехота достаточно быстро отстала. Стала стрелять наша пушка. Да, все-таки эти танки для нее не противники, 4 выстрела и два танка остановились и задымились. Остальные танки остановились и стали сдавать назад, и тут разродился наш ружейный расчет. Четко засадил в бок пятящемуся танку. Мы стали стрелять из винтовок по виднеющимся фигуркам.

«Патроны экономьте, стрелять наверняка, а не просто в сторону врага», – проорал я. Надо же было что-то сказать.

Пока затишье, подбегаю к нашему командиру: «Товарищ капитан, пощупали нас, посмотрели, возможно, бомбить будут. Может быть, скрытно отойдем метров на 300 вглубь леса?»

– Товарищ старший лейтенант. У нас хорошая позиция, а приказ был – ни шагу назад, вам ясно?

«Так точно», – бегу на свою позицию.

Через полчаса послышался гул моторов,

– Ну, что, бойцы, как говорится, «летят утки, летят гуси».

Появились пара звеньев «Юнкерсов», завели свои сирены, видно, что заходят на бомбометание. А вот мы и посмотрим, сможет ли мой реципиент, имеющий навыки стрельбы из пулемета, попасть в самолет. Это вам не на контркурсах летать и стрелять. Тут я спокойно наведу «Дегтярева», уперев пулемет в бруствер, задеру, насколько надо ствол, возьму упреждение и отстрелю ему чего-нибудь важное. Может быть, в стеклянный колпак попаду, да пристрелю пилота, когда он вниз пикировать будет, а может, бензобаки или мотор попорчу.

Лежу и размышляю вслух: «Вот подлетают они, заходя на бомбометание, километров с 4-х, как раз наклонив фюзеляж вниз, и подставят мне стеклянный колпак над пилотом, а метрах в пятистах над землей я по нему и врежу. Хорошо то, что фрицу солнце глаза слепит».

«Сейчас бомбить будут! Бойцы, прячься в окопы!» – слышу крик Васильева.

«Во-о-от, а теперь плавно пошли вниз, огонь, – приговаривая, я прицелился и дал короткую очередь с упреждением, затем снова выстрелил очередью на пять-семь патронов, – попал, завалил, братец, крылышками-то».

Самолет повело из стороны в сторону, некому стало его из пике выводить, вот и уткнулся он в землю, как раз на нашем поле, и загорелся, стрелок почему-то даже не пытался выпрыгнуть, тоже погиб, что ли, как и пилот. На все секунд 10 ушло, а казалось, что время медленно тянется.

Но пять оставшихся самолетов-то летят и близко уже. Прошелся из пулемета по ближайшему летящему «Юнкерсу» тоже. Видать попали пули по корпусу, что пилот отклонился в сторону. Но все равно, долетели до края леса, и на нас посыпался бомбовый дождик. Затем, самолеты развернулись и ушли к себе.

Нерадостная картина. Если на нашем участке я самолетам помешал красиво зайти на цель, то наш центр и левый фланг получили «по полной программе». Поломанные деревья,

воронки от взрывов, в общем, осталось только нас правофланговых человек 50 здоровых и 3 легкораненых.

– Птицын, берешь «птичью стаю» посмотри, как там командиры наши и пробегись по позициям, что-то у меня предчувствие, что центра и левого фланга у нас нет уже. Пересчитай, кто живой, кто раненый. Остальные! Сейчас попрут немцы – всем занять свои позиции, а десять человек со мной быстро идем разбираться с нашим центром.

Грустно, не стало комиссара и капитана. Пушка оказалась целой, метрах в пятнадцати от нее наблюдалась здоровая воронка, а вот расчет пушки poleg. Сам же лейтенант оказался жив, хотя и ранен – ему осколками повредило руку.

«Что ж, хотел подвигов, давай командуй – шутки закончились! А ведь от правильной тактики при нашем слабом вооружении и оставшемся количестве бойцов, приказ держать мост никто не отменял. Надо удержать эту позицию, дав возможность эвакуировать раненых. И помирать не хочется, значит, надо выжить.

– Петров, Малеев, бегом на станцию, найти там лошадь, у нас пара телег есть, их бойцы хоззвода вглубь леса оттянули, грузовик, в общем, все, что движется и срочно сюда. Надо наших раненых увозить, пока на станции эшелоны стоят.

– Филиппов, бери 20 человек, окажите первую помощь... Кому можно ее оказать, тяжелых не таскайте, а всех, кто уцелел или легкораненый, направляй сюда. Оружие, что найдете, патроны убитых – все сюда тащите на наш фланг. Справа от моста позицию держать будем.

– Лейтенант, пушка цела, снаряды есть, наводить сможешь?

– Цела, снаряды вон в ящиках лежат, наводить смогу, да, тут напрямую наводку стрелять придется, но пушку, желательнее, перетащить.

– Согласен, бери бойцов, командуй.

Тут мне на глаза попался красноармеец из заслона. Гномов в кино видел – этикие квадраты. Вот такой квадрат, только под 180 см росту я и увидел.

– Фамилия?

– Рядовой Лосев... Тимофей.

– Лосев, говоришь, оправдываешь ты свою фамилию – здоровый!

– Кузнец я и все семейство наше – потомственные кузнецы, сибиряки, товарищ старший лейтенант.

– Значит, впрягайся в пушку и тащи ее, куда лейтенант определит.

Реально сам утащит, но вшестером ее быстренько и перетянули метров на тридцать вправо от моста.

«Если танки попрут, то вся надежда на противотанковые ружья, хорошо, что все они целыми остались, да и пушка свое слово скажет еще», – подумал я.

Все-таки для успокоения себя и защиты фланга человек двадцать с ПТРом и пулеметом я отправил на другую сторону дороги, а сами снова залегли на наши позиции под деревья.

И немцы поперли. Стали считать один, два, три... выкатилось на нас 14 танков «Pz-III» – рота. За ними поднялась и двинулась на нас цепь пехотинцев.

Кричу: «Снайпера, отстреливайте унтеров и офицеров. Расчеты ружей, по танкам стрелять по готовности. Старайтесь в бок попасть или по гусеницам», – хотя, они сами знают, куда стрелять.

Вот так, командуя громким голосом, уверенность и появляется. Поорал, кипиш навел, вроде вжился в роль. Начали бахать противотанковые ружья.

«Мимо, что ли бьют?» – подумал и сам дал несколько коротких очередей – пехота прилегла. А то уж, как-то быстро они бегут. Со всех сторон слышится ружейный бой – наши бойцы стреляют. Что же, кто-то из немцев уже не встанет.

Танки стреляют, в основном, по старой позиции пушки, сыплются сучья деревьев, получается, что не увидели немцы, как мы ее перетасили. Тут пушка разродилась выстрелом, и встал, задымился немец, полезли из башни черные фигурки.

«А мы их из винтовочки постреляем!» – одного снял наш бурят, что сверху вылез, остальные, возможно, под танком залегли.

Танки нас расстреливают, хотя снаряды куда-то в лес улетают. А я лежу и мыслю «Это же хорошо, что речка илистая, может быть, увязнут, если форсировать станут. Однако, слишком быстро едут, а мы мажем. Как же страшно-то, елки-палки, когда на тебя танки прут!»

Но, когда танки подкатились метров на 300, наши наводчики пристрелялись или, просто ближе стало, но начали попадать. В общем, остановилось на поле еще три танка и «сорокапятка» четвертый подбила. Пехота врага короткими перебежками, периодически залегая, уверенно приближалась к нам. Но все-таки 100 ружей, это тоже не шутка. Настреляли мы порядка сотни солдат. Еще два танка остановились, закрутившись на месте, выписывая сложные эллипсы из-за соскочивших с катков гусениц.

– Все, братцы, похоже, выдохлись фрицы!

Танки стали пятиться, сдавая задним ходом и постоянно стреляя, пехота тоже побежала назад. Немцы вошли под прикрытие леса, оставив на поле боя три легких танка и семь посерьезнее. Немцы откатились и стали выстраиваться в линию.

«Бойцы, фрицы нас расстреливать сейчас будут, поэтому все скрытно отходим метров на триста вглубь леса!» – скомандовал я.

Точно, изготовившись, танки начали артподготовку, а мы ушли на восток. Перепахали немцы наши позиции, да кучу дров наломали, так что от окопов наших ничего и не осталось, зато появились воронки и засеки из стволов упавших деревьев. Плохо было то, что от попадания вражеского снаряда сдетонировал ящик наших. В общем, после взрыва, пушки у нас не стало.

– Сержант Птицын, пробегись по позициям и узнай, что с потерями! Все, что есть из патронов в телегах и у убитых собрать и выдать личному составу.

Выручил нас боезапас, который был оставлен заслону. Пулеметные диски, патроны к винтовкам и гранаты. Все это было перераспределено между бойцами.

Солнце только перешло зенит, и день казался бесконечным. Далеко в стороне слышался гул самолетов, летящих на восток, подавлять наши очаги сопротивления, а потом возвращающихся назад.

Прискакали два кавалериста – рядовой и капитан, а за ними на четырех подводах с сеном подтянулись колхозники. К подводам были привязаны пара свободных лошадок.

«Военные лошадки, непривычны к телегам, – заметил Филиппов, – ну да, какие есть».

Я вышел встречать начальство. Доложил по форме, обрисовав ситуацию. Скомандовал грузить на подводы раненых, пока немцы снова обстреливать не начали, при этом, переписывая фамилии, звания и часть наших бойцов.

«Капитан Нефедов Валерий Васильевич, – представился кавалерист, – вижу ваши дела, десяток танков и самолет умудрились сбить – молодцы, как сбили-то?»

«Расстрелял из пулемета летчика, когда он заходил на позицию», – ответил я.

«Молодцы, доложу командованию, сейчас должна полуторка еще подъехать, ремонтируют ее, полдня продержались, но еще, братцы надо», – ответил капитан.

– Какая ситуация с погрузкой?

– Прислали паровоз с теплушками, грузим раненых, некоторых врачи оперируют и тут же грузят, не быстрое это дело, поэтому и прошу, держитесь, сколько можно.

– Ясно, товарищ капитан, на противотанковые ружья «ПТР» патронов совсем мало, всего лишь по десятку на ружье.

Запрягли лошадок в наши телеги, загрузили раненых, кто мог идти, пешком отправились, держась за подводы, кто был легко раненым, те встали в строй. Капитан с солдатиком тоже усаkali. Пока затишье переписал личный состав, надеясь, подать список начальству для возможного поощрения.

Снова налетели самолеты, часть пошла на станцию. Где-то сзади была слышна стрельба и взрывы бомб, а часть отбомбилась по нам. Немцы сообразили, что мы можем отходить вглубь леса, так что отбомбились, как смогли, но метров на сто в глубину лес накрыли. Хорошо, что мы уходили метров на триста, оставляя спрятавшихся в воронках наблюдателей.

Накатывали до конца дня немцы еще разок, наступала пехота численностью до батальона и танки, но снова, оставив 3 танка и человек 30 пехотинцев, отошли. Не главное мы направление удара, второстепенное, иначе смяли бы нас и не поморщились.

Приближалась ночь. Повар наш уцелел, не видел его на передовой, но дело свое он знает, приготовил из последней крупы перловку, которую мы и приговорили. Провел перекличку, в строю семьдесят восемь человек.

Даю вводную: «Бойцы, ночью делаем вылазку, пойдут пятьдесят человек, с собой гранаты, ножи, винтовки. Всем понятно, что брать: еду, патроны, оружие, ну и что понравится, кому надо обувь сменить – меняйте на офицерские сапоги. Основная масса убитых немцев, как раз посередине поля лежат, туда до немцев пятьсот и до нас пятьсот метров. Два десятка со мной, берите гранаты, подбираемся к дороге, наверняка, там наблюдатели немецкие будут.

– Иванов Ардан и... есть у нас еще охотники или хотя бы те, кто с лесом знаком?

Вышло два парня: «Мы не охотники, но с подмосковных деревень, вокруг леса, кое-что умеем».

– Ножамй убивали немцев?

– Никак нет, не приходилось, товарищ старший лейтенант.

– Ладно, будете с Ивановым Арданом, то есть с Бурятом. Отойдете метров на 100 от дороги и заляжете, если поползет вражеская техника, встретите ее. А вначале по лесочку прогуляетесь. Наткнетесь на «секрет», человека по два могут сидеть, постараетесь их обезвредить, и к дороге продвигайтесь.

– А как лучше убить врага?

«Я ножи хорошо метая, – влезает Бурят, – двоих уложу».

– Наша задача следующая. Немцы будут танки свои утаскивать, чтобы потом ремонтировать, то есть прибудет рембригада, в немецкой танковой роте их человек 17 по штату, и охрана. Наши действия будут зависеть от их количества, поэтому, либо в ножи берем, либо закидываем гранатами и атакуем. Может быть, удастся транспорт угнать. Как стемнеет, от слова совсем, выдвигаемся!

Где-то в час ночи мы теньями перешли на тот берег и рассыпались по полю собирать трофеи: кто убитых шмонал, а кто к танкам полез. Мы же выдвинулись к лесу, метрах в ста от него залегли и красиво, не спеша, кверху попой поползли поближе к нему.

Смотрю на часы, пока лазили, прошло около двух часов, а никого нет, даю команду отступать. По пути, собирая народ, короткими перебежками, гремя карабинами и вообще непонятно чем, мы скрытно вернулись на позицию. Бойцы были обвешаны, как елка новогодними игрушками, двумя-тремя карабинами, пистолет-пулеметами «МР-40 Шмасерами», ранцами с добром и едой, кто-то тащил ручной пулемет с патронными лентами в сумках.

Разобрав трофеи, раздали бойцам сухпай и стрелковое оружие. Мы усилились парой ручных пулеметов «МГ-34» с запасными лентами, десятком пистолет-пулеметов «МР-40» с запасными магазинами, с десятков пистолетов «Парабеллум-Р38», взятых у убитых унтеров и лейтенантов, и сотней винтовок «Karabiner 98k» с дополнительными обоймами по 5 патронов.

«Хорошо, что еще не вышло постановление ГОКО СССР от 3 марта 1942 года, согласно которому необходимо было сдавать все трофейное оружие, иначе солдата могли передать в суд военного трибунала», – вспомнилось мне и такое отношение власти к трофеям.

Под утром меня разбудил гул, оказывается, немцы решили таскать свою технику с утра. А утром немцы «вышли на работу», снова налетело звено бомбардировщиков – мы дружно отстреливались из автоматов, пулеметов и убегали вглубь леса, а самолеты уже не спускались на «бреющий полет», подлетали и бомбили лес, где должны быть наши позиции с километра над землей. После них выкатились десятки танков и принялись обстреливать нас прямой наводкой. Потом побежала пехота, хорошо, что нам отбежать на триста метров и вернуться ближе, чем им пробежать километр. Поэтому мы успевали вернуться после бомбежки или артобстрела и снова заставляли залечь пехоту противника огнем из винтовок и пулеметов. После чего нас снова обстреливали из танков. Гибли ребята, но мы не давали немцам прорваться через этот мост. Снова двинулись танки, в ответ заговорили наши противотанковые ружья.

«Товарищ старший военврач, доложите, как идет обустройство теплушек и погрузка раненых, когда закончите? Механики, что там с паровозом, восстановили, сможет он ехать? Как там мост, слышу с утра снова канонада, – командующий 1-й стрелковым корпусом, генерал-майор Фёдор Дмитриевич Рубцов проводил совещание, – докладывайте по очереди».

– Прооперировали или обработали всех, кто есть, всего 340 человек. Лежачие загружены в теплушки, ходячие ждут команды к погрузке по готовности к отправке. Врачи и медперсонал валится с ног за эти двое суток.

– Хорошо, дальше.

Бригадир ремонтной бригады также доложил о готовности обоих паровозов отправляться, загружены углем, неисправности устранены.

Поднялся начальник штаба: «Докладываю, что нами организована круговая оборона вокруг поселка, с целью оказания противодействия возможному появлению немецких частей. Поселок с воздуха прикрывает зенитная рота. Мост удерживает старший лейтенант Кольцов силами до роты. Вчера в 14.00 часов там был капитан Нефедов, проверяющий заслон у моста, я вам вчера докладывал».

– А сейчас там что? Есть хоть кому удерживать этот мост? Зови Нефедова, пусть едет и оценит обстановку, и отправь туда взвод красноармейцев – мост надо удерживать. Как думаете, часа за три сможем выдвинуться в сторону Орши?»

– Есть, товарищ генерал-майор.

«Кто-то пылит», – сказал лейтенант, осматривая дорогу к Толочину.

– Главное, чтобы их немцы не подстрелили, наверно опять Нефедов с инспекцией едет.

Снова показались танки. Я осмотрел поле боя и выдал новое ценное указание: «На паре задних танков немцы с открытыми лючками водителей едут. Тяжело им рулить-то – пыль от земли, да выхлопные газы, вот им ничего толком и не видно. Снайпера, попробуйте в смотровое окно попасть, там хоть и бронешторка стеклянная, но винтовка должны пробить ее, а там и водитель свое поймает или просто обзор ему испортим окончательно. Так, глядишь, и остановим танк».

Метров за 100 Нефедов, а это был именно он, лихо соскочил с коня и, прячась за деревьями, подошел к позиции: «Что тут у вас, как обстановка?»

«Атакуют. Сейчас подбьем пару танков – они отползут к лесу и начнут нас долбить из пушек. Патронов мало к ПТРу, последнюю атаку отстреляемся, и больше нечем удерживать. Только гранатами забрасывать, когда они реку форсировать станут», – отвечаю.

– Держитесь, скоро взвод солдат подойдет, поможет.

– Пять километров, через час дотопают?

– Сейчас 11 часов, в 13 можете отступать, если немцы успокоятся. Мост взорвете?

«А чем взрывать, – спрашиваю, – а чего сразу не взорвали-то?»

«Оставили для возможного отхода нашей техники, а ее то и нет, небольшими группами народ из лесов выходит, – ответил капитан, – во взводе минер есть и тол везут».

Радостные крики наших ПТРовцев возвестили о подбитии еще одного танка. Тут же подхватили эстафету стрелки – один танк стал выписывать зигзаги. Правда, что ли, вывели из строя водителя? Два особо шустрых танка подкатили к мосту, и тут первому в бок зарядил патрон наш ружейный расчет. Танк остановился на середине моста, застопорив движение, второй, поливая в нашу сторону из пулемета, с разгону влетел в реку и проехал метров пять, да так, что вода почти покрыла его башню. Хорошо увяз, уже не боец, будем ждать, когда «интуристы» вылезать станут.

«Ай, молодцы, – закричал Нефедов, – лихо быют гадов!»

Остальные танки стали откатываться.

«Похоже, отбились», – произнес кто-то из бойцов.

Капитан еще поспрашивал о ходе вчерашнего и сегодняшнего боев и ускакал в поселок.

«Товарищи красноармейцы, молодцы ребята! Как говорил генералиссимус Суворов о вас – «чудо-богатыри», вы победили свой страх и смогли выполнить боевую задачу, – я толкнул речь, – а сейчас отходим, немцы снова бомбить будут, перекус немецкими консервами и, если будет затишье, через полтора часа уходим на Толучин».

Видно было, как народ расслабился, одно дело стоять насмерть, и другое дело, когда нужно выполнить задачу и есть возможность маневра. Немец подергался в реке, пытаясь выползти задом, но, похоже, что увяз еще глубже, и вода добралась до экипажа. Откинулся люк и из танка вылезли все пятеро с поднятыми руками. Дав возможность вылезти всем им на берег, я расстрел их из автоматической винтовки.

– Орлов, Чайкин, сплавайте к немцам, соберите оружие. Всем понятно, почему я расстрелял сдающихся – нам с ними нет возможности возиться и содержать их согласно Женевской конвенции о военнопленных. Кроме того, когда вы увидите, как приходится нашим людям в их плену, все сомневающиеся согласятся со мной. Также, при обстреле они могут сбежать или ударить нам в спину, поэтому всегда помните вековой опыт войн «лучший враг – это мертвый враг».

Минут через двадцать подошел взвод солдат. Немцы не атаковали, поэтому минеры быстро заминировали и взорвали мост. Мы отходили, неся на самодельных носилках, сделанных из тонких стволов деревьев, или поддерживая под руки своих раненых. Перед генерал-майором стоял строй из сорока пяти грязных, в рваной или дырявой форме, уставших красноармейцев.

«Взвод, равняйся, смирно. Товарищ генерал-майор, взвод красноармейцев 11 стрелкового корпуса поставленную вами боевую задачу выполнил. Врага на станцию не пропустили, командир сводного взвода старший лейтенант Кольцов», – бодрым голосом отрапортовал я.

– Спасибо вам, товарищи красноармейцы, теперь вы входите в состав боевой колонны и двигаетесь к Орше на новый рубеж обороны. Вопросы, просьбы есть?

«Есть просьба, товарищ генерал-майор. На этих листах я переписал фамилии бойцов, которые были в заслоне, живых и мертвых, а также их боевые заслуги. Просьба, когда это будет возможно, по достоинству оценить их действия», – выдал я.

«Хорошо, Кольцов. Взвод, разойдись!» – Рубцов забрал у меня листки блокнота с фамилиями и передал их начштаба.

И снова наш путь лежал на восток, теперь к городу Орша, где будет июльское Орша-Смоленское сражение, закончившееся окружением в районе Смоленска трех советских армий. Штаб Западного фронта во главе с генерал-лейтенантом Еременко, потеряв управление армиями из-за фланговых прорывов моторизованных частей вермахта, не смогли организовать оборону и взаимодействие с прорывающимися к ним в помощь частями Рокоссовского. Много советских солдат погибло, было взято в плен в убийственных контрударах отбить и удержать

Смоленск. Да и страх за себя у товарища Еременко сказал свое слово – Сталин очень резко отнесся к сдаче Смоленска. И судя по всему, нам предстояло в этом деле участвовать, затыкая дырки в обороне. Хотя был шанс, что добравшись до наших, все эти разрозненные отряды отступающих красноармейцев отправят на переформирование.

Отдыхая, я смотрел людей, на станцию и мне – человеку из 21 века, было некомфортно ощущать себя в этом времени, другая одежда, суэта людей, сама манера общаться – все было чуждо и непривычно. Пробегали мимо молоденькие медсестры или санитарки, мужики комментировали, оценивая их, а нас либо не замечали из-за усталости, либо кто-то улыбался в ответ.

Наш отряд был накормлен, после чего мы влились в колонну грузовиков, к некоторым из которых были прицеплены гаубицы, легковушек и пехоты в количестве, по моим прикидкам, порядка 1000 человек, уходящую к Орше. По пути в нее вливались отряды из оцепления станции и отступающих красноармейцев. Совместные бои сближают, так и мы держались вместе нашей группой. Я шел с лейтенантом-артиллеристом Алексеем Смирновым, он рассказывал о себе, а сзади топали остальные. Эшелоны были отправлены. В конце каждого эшелона к ним были прицеплены по платформе с установленными на них на универсальной вертлюге со специальными зенитными прицелами для стрельбы по воздушным целям 12,7-мм станковые пулемёты «ДШК – Дегтярёв-Шпагин крупнокалиберный» и, сидящими рядом, расчетами бойцов. Узнал их из виденных фильмов, да и память Кольцова подсказала. Может, они и помогут отбиться от налетов.

Глава 2. На пути к Орше

Шли мы достаточно быстро, потому что хорошо слышимая канонада близких боев, взбадривала нас получше «пургена». До Орши около ста пятидесяти километров, техника уехала вперед, пехота тащилась длинной змеей, растянувшейся до пары километров. Шли весь день, устроив в обед небольшой привал. К вечеру, отмахав километров под 50, колонна небольшими группами разбрелась по лесу. Эта ночь прошла спокойно.

Утром, пожевав сухпай, двинулись в путь. Наша проселочная дорога упиралась в смоленский тракт, ныне магистраль Москва-Минск и голова колонны шустро заполняла ее, наш же отряд шел в её самом конце. Сигналя, мимо промчались две полуторки.

«Немцы прорвались, танки за нами!» – кричал нам из кабины сидящий капитан.

«Братцы, плохо дело, – выразил общую мысль Филиппов, – в лес уходить надо».

Полностью был с ним согласен, принимать бой было несерьезно, да и стратегически неверно для нас.

– Быстро уходим в лес, пока не поступило какой-нибудь очередной глупой команды «стоять до конца».

Замедлившись, по три-пять человек, мы растворялись в лесу. Уже хорошо был слышен гул моторов и, даже, ощущалась дрожь земли. Мы же побежали, стараясь отойти подальше от дороги.

– Не терять друг друга, направление на восток, на Оршу.

Слева сбоку была слышна пулеметная стрельба, похоже, что мотоциклисты разведки наткнулись на нашу колонну и вступили в бой.

Пробежав и пройдя километра четыре, мы слышали пролетающие над нами самолеты. Вначале пролетели штурмовики, а потом стреловидные бомбардировщики «Хейнкель» и, где-то впереди взорвалось несколько бомб. Мы шли вперед. Выдерживая маршрут движения по солнцу, старались не уходить далеко вглубь леса, держась в пределах километра от шоссе. Впереди застрекотали пулеметы, новый бой приближался к нам или мы к нему. Похоже, что танковая колонна прошла дальше, а немцы высадили пехотные части с автомашин и прочесывают ближайшую территорию. Тут мы выскочили на идущих линией немцев, и завязался лесной бой. Прикрывая друг друга, наша группа стала отступать в лес. Потом по нам заработали пулеметы и минометы. Убегая от немцев, отряд рассеялся: кто-то падал убитый, остальные, прячась за деревьями, отстреливались, заставляя залечь уже фрицев, снова отступали. Оторвавшись на пяток километров, собралось нас, в итоге, немногим больше тридцати человек.

«При таких делах надо выдвигать вперед авангард. Бурят, выбери пару бойцов и давай ты вперед, а бойцы метрах в двадцати сзади по бокам. Мы же с интервалом метров в пятьдесят за вами. Постарались подальше уйти от места боя, но вернуться поближе к шоссе», – высказал свои соображения я.

Прошло еще часа три нашего путешествия по лесу, все сильно устали. Подойдя к неширокому ручью, я скомандовал: «Привал, полчаса отдыхаем, всем умыться, поесть и выдвигаемся».

Все скинулись оставшимися продуктами и немного перекусили. Нудный, тяжелый день клонился к завершению. А что вы хотите, двигаемся только на своих двоих, постоянно ожидая нападения немцев, да еще и отступаем – морально сильно давит. Но общая мысль, сформулированная отрядом, была о том, что чем быстрее дойдешь к своим, тем лучше.

Вспомнился случай из прошлой жизни. Поддавшись общему порыву товарищей, я купил себе ружье и охотничий билет, и собрался на свою первую охоту. Жена дает ЦУ: «Больше

десяти зайцев не приноси, мясо мы частью заморозим, а частью я угощу, кого надо, и шкурки приспособим к делу».

Пришел я вечером грязный и усталый. Погода в тот день была очень сырая, то ветер, то дождь, то все вместе. Жена встречает: «Ну что, принес не больше десяти зайцев?»

«Какие десять зайцев, я их вообще в глаза ни одного не увидел!» – ответил я.

Вот так я сходил на свою первую и единственную охоту, а ружье так и стояло в оружейном сейфе дома на всякий пожарный.

Вдруг подбегает к нам боец из дозора нашего: «Товарищ старший лейтенант, там Бурят услышал чужих, приказал вас предупредить!»

Поднимаю согнутую руку со сжатым кулаком, мол, всем стой. Все и замерли. Потом народ медленно рассредоточился поближе к деревьям, кто лег, кто присел. Сам с дозорным пошел вперед и, подойдя к первому солдату, снова залегли. Через некоторое время вынырнул Бурят, как будто, из ниоткуда. Шепчу ему, мол, что там такое?

Он отвечает: «Деревней запахло, ребят к вам послал, а сам прошелся вперед разведать. Немцы в деревне встали, грузовики большие видел и бронетранспортеры с пулеметом впереди, собак не слышно».

Отвечаю: «Давай наблюдай, сейчас в помощь еще наблюдателей пришлю, охватим полукольцом деревню, чтоб видели всё: кто приехал, кто уехал, где начальство расположилось, и количество немцев попробуем прикинуть».

Я с Арданом подобрался поближе к деревне, насчитывающей домов двадцать на одной стороне улицы, высмотрев четыре «Ганомага» и два грузовика «Крупн» с прицепленными гаубицами. Увидели и часовых – двух фрицев, наблюдающих подходы к деревне с нашей стороны, значит, с другой стороны деревни тоже стоит пост. Обошли его, подобравшись поближе к технике. Что у нас тут с часовыми: один ходит, а второй в «тенёчке» со «Шмайсером» сидит, и не заметишь сразу. Засекли его по разговорам с ходящим охранником.

Ждем ночи и наблюдаем. Я медленно, стараясь, как настоящий охотник, то есть, не цепляя все подряд ветки на своем пути, добрался до своих бойцов, заинструктировал их и отправил к Буряту – он уже сам расставит ребят по номерам.

Дожидались ночи, отряд наш окружил деревеньку, а ударная группа в количестве четырех бойцов со мной во главе, я же герой – попаданец, в конце концов, дождавшись смены постов, поползла за добычей. Немцы тихо сидели, скрываясь за редким деревянным забором крайнего дома. Бурят аккуратно залез через соседний двор в нужный, и в течение пары секунд два ножа, сверкнув лезвиями в воздухе, воткнулись в тела в районе шеи. Два тела резко выгнувшись, практически без звука, упали мертвыми. Бурят быстро подскочив, добил их. Я же, подойдя к трупам, взял рукой за подбородок, прикрывая рот, второй рукой взял за голову и резко развернул её вбок. Раздался хруст шейных позвонков, прозвучавший для меня, как выстрел из винтовки, хотя на самом деле был легкий хруст, который в десяти метрах и не услышишь. Потом сломал шею второму трупу. Так и набивается рука, как говорится, «тяжело в учении, легко в бою».

К охранникам бронетехники подобрался через двор. Не наткнуться бы на какого-нибудь мальчика, вышедшего пописать из сарая или скотника, куда хозяева домов, наверняка, были выселены. Охранник стоял, облокотившись на такой же редкий забор. Подождав, пока ходячий часовой зайдет за бронетранспортер, Бурят подобрался к нему вплотную со спины, зажав рот рукой, ткнул его ножом. А я контролировал ситуацию из-за забора. Тут из-за машины вышел второй фриц и сразу получил в горло нож. Он постоял, засипел и упал, а в это время я перемахнул через забор и легким движением руки продолжил шейные тренировки. Забросив убитых солдат в кузов одного из грузовиков, мы просемафорили общий сбор.

Выяснили еще в лесу, что среди наших оказалось вместе со мной три водителя, один профессиональный водила, тоже лет под тридцать пять боец по имени Ломов Кондрат Маркович,

и один подменял отца и водил трактор в деревне – танкист, однако. Сняли с двух оставшихся БТРов пулеметы «МГ-34» с запасом патронов, засыпали им в бензобаки песок и землю, порезав все шланги и трубки под капотом. На грузовик «по имени» «Krupp L3N163» сел водила, а мы с трактористом уехали в БТРы. Обговорив с водителями правильный порядок запуска БТРов, и, распределив бойцов по машинам, Одновременно приказал автоматчикам и нашим лучшим стрелкам смотреть, в первую очередь, на дом, где располагались офицеры, а остальным – во все стороны и расстреливать поднявших тревогу немцев. Завелись мы с шумом на всю деревню, прогрелись несколько минут и медленно, привыкая к управлению, начали движение на выезд из нее.

Высочивший из избы вестовой начал что-то кричать, в ответ хлестко и громко прозвучал выстрел Бурята. Первым ехал я, за мной грузовик и замыкал колонну второй бронетранспортер.

Читая о ВОВ, я знал, что основным БТРом вермахта в конце тридцатых, начале сороковых годов являлся «Напомат» модификации «SdKfz 251» и производился фирмой «Ганомаг». И то, что писали о нем, оказалось, в общем, правдой – имея поворотные передние колеса для управления машиной, и гусеницы, обеспечивающие высокую проходимость, он оказался довольно удобным в управлении, главное было не делать резких движений и не газовать, как будто, ты гонщик «Формулы-1». Ехали мы по этой проселочной дороге не более 30-35 км в час, ожидая преследования, из-за чего на втором БТРе пулемет был перенести на вертлюг в заднюю часть. Так мы и перли к Орше на трофейной технике.

– Приготовьте белый флаг, который мы выбросим, подъезжая к нашим позициям. Сейчас, как таковой линии фронта нет, бьются участками, может быть, что удастся проскочить без боя. Что значит «нема флага», а рубашки на что или кальсоны? В будущем будешь своим детям рассказывать, как при помощи твоих подштанников мы к нашим немецкую технику пригнали.

Так и отмахали порядка восьмидесяти километров. По пути мелькали таблички деревень «Червино», «Барань», а вот появились улицы города Орша. Светало, наш боец держал белую рубашку в руке, периодически размахивая ею. Нас затормозил ошестинившийся винтовочными стволами контрольно-пропускной пост (КПП). Сзади поста общее направление, включая дорогу, по которой мы приблизились к городу, на прямую наводку прикрывала спрятавшаяся за реданом батарея 76-мм полковых пушек.

Нас остановили, проверили мои документы, дали в сопровождение красноармейца и поехали мы в центр города к комендатуре.

На улицах были собраны баррикады, постоянно перемещались подразделения бойцов РККА, в общем, было видно, что город готовится к боям. Как узнал у приданного нам бойца, вчера был бой. Городские укрепления с трассы на Минск атаковала немецкая танковая колонна, но они были разгромлены нашей армией и позорно бежали. С ходу передовая часть Гудериана не смогла ворваться в город, что уже «есть хорошо».

Дежурный комендантской роты по телефону куда-то звонил, докладывал, что отступающее подразделение РККА пригнали трофейную технику и хотят ее сдать. В итоге, в холл здания вышел начальник комендатуры вместе с интендантом и воентехником. Я доложил свои данные, и мы вышли осматривать трофеи. Я построил своих бойцов – комендант поблагодарил нас от лица командования. Перед зданием красовались два БТРа и тяжелый грузовик. Интендант и технарь стали осматривать технику, залезая внутрь, обходя вокруг нее, наш водитель заводил их по очереди, немного проехал, в общем, приемка прошла успешно. После чего, нас всех завели в комендатуру, и мы около полутора часов писали объяснительные о своих подвигах, с особыми подробностями захвата техники.

В дальнейшем нам выдали направление на склад имущества, ибо потрепанный внешний вид нашей формы вызывал лишь чувство стыда за РККА и новый продаттестат. Затем, нам предписывалось прибыть на железнодорожный вокзал, где такие же разрозненные подразделе-

ния отступающих бойцов, формировались по составам. Этими эшелонами из города вывозились документы, ценности, местные жители и красноармейцы, убывающие на переформирование. Все было нами успешно выполнено: получили новую форму, продовольствие, прибыли на станцию, доложились начальнику вокзала и уже в ночь поезд уносил нас к Москве в город Можайск.

Глава 3. Командир взвода разведки

Прибыли через трое суток в Можайск, отряд отправился к военному коменданту, который перенаправил нас в недавно созданный центр формирования новых подразделений.

Вначале переговорил с бойцами: «Мы стали сплоченным, проверенным боями коллективом, поэтому предлагаю и дальше держаться вместе. Я буду просить командира центра направить меня в подразделение полковой разведки. Кто из вас желает получать ордена и медали, стать элитой пехотных частей, давайте вместе со мной. Прошу всех сейчас высказать свое решение. Если кто-то имеет другую специальность, как наш лейтенант-артиллерист, или по каким-то еще причинам не хочет в разведку, не стесняйтесь, все высказывайте сразу, чтобы я подал рапортом готовый состав».

Попытаться попасть в разведподразделение изъявили желание 25 человек, эх молодежь, мысль о медалях, подвигах, видать, хорошо засела у них в голове. Я же думал о том, что смертность у них большая, но все же, раз попал сюда, то нужно ярче прожить подаренную мне в этом времени жизнь. Да и не последнюю роль сыграли соображения о большей независимости действий, возможности получения трофейных материальных благ, которые очень пригодятся мне в будущем. И главное, хотелось создать боевую единицу разносторонне подготовленных рискованных парней, которые научатся ходить на грани фола и, которые, очень могут помочь мне в решении различных ситуаций в будущем. Сейчас они молодые ребята, еще не зашоренные догмами, готовые впитывать нужное мне отношение к вещам, к порядку, к тому, что им кажется правильным, и грамотно поданная информация с личным примером, дадут мне, в итоге, команду единомышленников,

Подойдя к КПП военной части, куда нам следовало явиться, мы предстали перед командиром центра пехотным майором Астаховым Андреем Ивановичем, который прочитал нам вводную лекцию, куда мы попали и «передал» нас старшине Степанычу: «Товарищ старшина доведет до вас распорядок дня, определит на постой и, в будущем, все хозяйственные вопросы будете решать с ним».

Я подошел к майору и озвучил свою просьбу попасть в подразделение фронтовой разведки, пройти наиболее полную в рамках возможностей центра, разведывательно-диверсионную подготовку самому и солдатам, указанным в списке, вручив ему лист из блокнота.

Он ознакомился со списком и «специальностями» красноармейцев, посмотрел на меня: «Ну что же, товарищ старший лейтенант, вы сами выбрали. Здесь формируется стрелковый полк, в котором по штату есть разведвзвод. Вас двадцать шесть человек, поэтому на базе вашей группы его и сформируем. Тем более, что вы прибыли одними из первых. Полк формируется из вышедших из окружения бойцов, все командиры кадровые военные или бойцы срочной службы, базовую военную подготовку получили до войны, поэтому через месяц полк будет сформирован и отправлен на фронт. Враг наступает, его надо остановить!»

Как рассказывали в своих воспоминаниях многие красноармейцы фронтовой разведки, а также последующие исследователи этого вопроса, в 1941 вплоть до начала 1943 года отмечался невысокий уровень организации разведки. Одна из причин – отсутствие до 1943 года документов, которые регламентировали бы совокупность разведывательных мероприятий в тактическом и оперативном звеньях управления. Уставы и наставления содержали лишь общие положения по разведке, касавшиеся командиров и начальников штабов соединений, частей и, отчасти, начальников разведывательных отделений. Кроме того, опыт значительной части офицеров органов управления разведкой был небольшим. Ряд действующих приказов, директив и указаний отразил факты их низкой квалификации, недопонимания некоторыми из командующих, командиров соединений и их штабов роли и значения разведки в подготовке бое-

вых операции. Если обратиться к истории, то в 1939 году разведывательное управление РККА трансформировалось в 5-е управление Народного комиссариата обороны СССР. В 1940-ом оно было переподчинено Генштабу и, соответственно, получило название Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии. А 16 февраля 1942 году родилась всемирно известная аббревиатура – «ГРУ». В составе ГРУ было создано два управления: Первое – это агентурное для выполнения диверсий, использования оперативной техники и радиоразведки; Второе – информационное, занимающееся редакционно-издательской войсковой информацией и, дешифровкой. И, кроме того, был ряд самостоятельных отделов, не входивших эти управления. Учитывая тот факт, что «тот, кто владеет информацией, владеет миром», Иосиф Сталин сделал соответствующие выводы и еще больше повысил статус военной разведки. В октябре 1942 года был издан приказ, согласно которому ГРУ подчинялось исключительно Наркомату обороны. В функциональных обязанностях главного управления была организация агентурной и разведывательно-диверсионной работы, как на территории других стран, так и на оккупированных территориях Советского Союза.

Таким образом, даваемая нам программа, была стандартной программой подготовки диверсантов, с методиками конкретных преподавателей, дающим слушателям знания на основании личного опыта и практики. Но, несмотря на это, наши преподаватели были грамотными энтузиастами своего дела.

Нашу группу дополнили до взвода и начались занятия, которые продлились месяц. Менялись темы, но перечень предметов оставалась неизменным. Как на построении перед бойцами командир центра сказал: «Наши специалисты дадут вам знания, сколько это возможно за месяц, а ваша задача – впитать и применять их в жизни, чтобы выжить на войне».

На занятиях по физической подготовке мы бегали, отжимались, подтягивались, преодолевали препятствия – сбитый из досок двухметровый деревянный щит. Здоровый инструктор посмотрел на наши результаты, разбил на группы по физической готовности, нагружая нас по-разному, сказав, что у него все отстающие за месяц таковыми быть перестанут.

Потом был час психологии. Курс читал с виду врач-психиатр, как мы потом шутили, наверное, он до нас работал в дурдоме с убийцами. Он рассказывал нам случаи о непредсказуемом и неосознанном поведении людей, плавно подводя нас к вопросу умения контролировать свои эмоции. Тестов никаких не было, может их еще американцы не разработали, не знаю. Вроде бы, активно всевозможные психологические тесты стали появляться в 1960-х годах. Он рассказывал нам о внешних признаках поведения человека в разных ситуациях. Потом на занятиях давал информацию о случаях зверских убийств бандитами и анархистами в Гражданскую войну, современными уголовниками, провоцируя слушателей на обсуждение, как надо с таким садистом поступить. После таких случаев у бойцов, в основном-то, молодых парней, загорались праведным гневом глаза, возникало одно желание – убить такого гада. А тут наш психолог и продолжал, мол, раз надо такого недочеловека убить, как лучше это сделать: выбрать пути подхода-отхода к нему, место и способ возмездия, на что при этом обращать внимание. В парнях воспитывали злость, чтобы не сомневались в том, что враг должен быть убит. Тем более, мы являлись бойцами ближнего боя, где не до раздумий «убить или не убить». Несколько занятий было посвящено методам проведения полевого допроса.

Еще один инструктор учил, как и куда правильно бить ножом и саперной лопаткой. На занятиях он рассказывал: «Вы должны убивать всем, что может оказаться под рукой. А если ничего не окажется, то и самими руками или пальцами. Ведь, при соответствующей психологической подготовке и наработанным практическим навыкам, пальцами можно разделить тело человека не хуже, чем ножом или топором. Но в ваш курс входит получение вами навыков работы с ножом, то есть с оружием разведчика-диверсанта. Помните, ваша задача или убить врага, или оглушить его. Вы должны нанести только один удар – смертельный или оглушающий до полной потери сознания. Все остальные удары будут граничить с провалом: противник

может успеть закричать, выстрелить или даже оказать полноценное сопротивление, поэтому наносить удар надо в смертельные точки на теле человека, а их, поверьте, достаточно».

А дальше шли уже практические знания, которые мы отработывали на тренировках. А инструктор вещал: «Рассмотрим основные части тела человека и удары в них:

1. В голову – череп является достаточно прочной защитой и нож, скорее всего, просто соскользнет. Если бить, то только в глаз, хотя в глаз вы можете ударить и выпрямленным пальцем, чем вам не оружие, надо только «поставить» палец, то есть научиться бить им, как вы «тыкаете» ножом или палкой. Подготовленные люди используют удар в глаз – в этом месте кость очень тонкая и без труда разрушается. И сам по себе глаз – очень мягкий и нежный орган, через него нож свободно достанет до мозга.

2. В шею – это самое уязвимое место! Это будет ваша «рабочая» часть тела. В шее проходят сонная артерия и яремная вена, повреждение которых приводят к смерти мозга в течение нескольких секунд. Остановить кровотечение из сонной артерии в полевых условиях невозможно! Обычно вы будете подбираться сзади часового, поэтому либо, зажимая рот, резко поднимаете подбородок вверх, одновременно нанося огибающий режущий удар «от уха до уха» вдоль шей под челюстью, правда, вид у трупа будет очень неприятный, либо наносите резкий режущий удар в боковую поверхность шеи.

3. В сердце просто так не попадешь – защищают ребра. Для постановки четкого удара между ребер у вас просто не хватит времени на тренировки. Но если придется сойтись в рукопашную, то лучше бейте под ребра со стороны живота в сердце или в печень, человек умрет за несколько минут от кровопотери».

И в таком духе нас инструктировали о частях тела с дальнейшей отработкой ударов друг на друге. Основное время нас гоняли по отработке навыков владения ножом: перекидывания из руки в руку, смена хвата, чтобы получить так называемое «чувство ножа».

Потом были тренировки по типу "боя с тенью", где отработывали движение руки с ножом при нанесении ударов по разным частям тела. Потом закрепление на практике полученных знаний – отработка снятия часовых друг на друге деревянными ножами. Были упражнения на метание ножей. Мы еще попросили показать, как работать с саперной лопаткой – показали.

Прослушали занятия по теме того, что можно предпринять, чтобы сбить собаку со следа и, как отбиваться от собак, если она вас догнала. Скажу, что в будущем мы всегда в наших вещмешках таскали кисеты с так называемой кайенской смесью (пополам на пополам, или в пропорции «сколько смогли достать» мелко перетертой махорки и молотого черного перца).

Были занятия, посвященные изучению немецкого языка. В итоге, бойцы выучили, как пишутся и произносятся штук пятьдесят слов, изучили транскрипцию букв, то есть могли просто прочитать то, что написано на вывесках или в документах.

Были занятия по минированию, которые вел профессиональный сапер. Узнали, какие есть мины наши и немецкие, ставили и учились, тыкая щупом, находить муляжи мин на краю нашего полигона, перерыв его, как кроты. Ставили на растяжки гранаты, разбирали на затертых чертежах мостов и зданий, где надо ставить заряд тола, чтобы подорвать мост, железнодорожное полотно, в первом приближении учились рассчитывать необходимый заряд.

Были занятия и по маскировке, где мы учились лежать неподвижно, ползать скрытно, то есть медленно, не поднимая попы, использовать рельеф местности для скрытного передвижения.

Также каждый поехал на древней полуторке, получив хоть какое-то представление о том, что такое сидеть за рулем. Было у нас несколько бойцов, умевших водить автомобиль или трактор с довоенной жизни, из вновь влившихся в наш коллектив. Конечно, была стрелковая подготовка и занятия по оказанию первой медицинской помощи. Четверо красноармейцев обучались работе с рациями.

Частенько по вечерам перед отбоем мы разговаривали о жизни, об учебе. Я узнавал своих бойцов, о детстве, о том, кто и чем занимался во взрослой жизни, как рассуждает, как ведет себя: молчит или, наоборот, любит пошуметь. Одним словом, смотрел, слушал, узнавая, кто есть кто.

Потом рассказывал сам о разведке, разведчиках, беря за основу некоторые известные эпизоды из жизни разведчиков прошлого и современных мне разведчиков, адаптируя их под свои рассуждения и опыт советско-финской войны. Пусть ребята свыкаются с мыслью о правильности своего выбора и отбросят разные сомнения, поскольку неуверенный в себе боец может сорваться в самый неподходящий момент и подвести товарищей.

«Парни, работа разведчика сложна и опасна, пожалуй, более опасно только саперам, которые ошибаются один раз, или пехоте. Не улыбайтесь, сколько живет пехотинец вы и сами видели, примерно, три боя, точнее, три атаки, и либо навсегда остался на поле боя лежать, либо ранение или увечье. А в разведке проще дожить до победы. А насколько от ваших действий и добытых разведданных зависит успех атаки или обороны – вы глаза и уши, а где-то и карающие руки армии. Мы же будем ходить не только за рядовыми бойцами, но и офицеры придется брать «языками», добывать важные документы, диверсии проводить. Поэтому все, чем мы занимаемся тут, поможет нам выжить там: физическая подготовка, искусство маскировки, владение холодным оружием, рукопашный бой, знание, хотя бы, минимального набора слов на немецком языке. Так что, товарищи красноармейцы, дело выбрали сложное, но геройское и, очень нужное для Победы».

Делал я это для того, чтобы парни прониклись ответственностью своего дела, а для этого уже сознательно старались впитывать те знания, которые нам давали на занятиях. Потом я планировал припрячь Бурята после основных занятий выходить дополнительно на небольшой полигон и учиться лесным премудростям: «лесной походке», чтобы идти и не шуметь ветками, приметам лесным, а также дополнительно с ближней дистанции метать ножи, саперные лопатки и разные подручные предметы типа камней или палок.

Через несколько дней, втянувшись в ритм учебы, все стали выходить на полигон для дополнительных тренировок по планируемой мной программе: ходили, двигали ветки кустов и деревьев, маскировались, метали ножи, лопатки и камни. Вначале тренировались на спарринг-партнере, медленно имитируя удары ножом или лопаткой, а потом уже ставили удар в сердце со спины на нарисованном мелом контуре или полосовали ножом по краю нетолстого дерева, изображающего шею противника с сонной артерией. В общем, извращались, как могли, на имеющемся инвентаре.

Иногда подходили инструктора, советовали, как и что улучшить или на что обратить внимание, а по хождению «по лесу» или метанию ножа и сами брали на вооружение некоторые приемы, обсуждая с Бурятом тот или иной аспект тренировок.

Основной же состав формируемого пехотного полка занимался физподготовкой, шагистикой, умением обращаться и обслуживать личное оружие, политинформационной накачкой. Иногда виделись с лейтенантом, он стал командиром артиллерийской роты полка, и остальными ребятами, отдавшими предпочтение службе в пехоте. Конечно, познакомился и общался с командиром нашего полка подполковником Шубиным Виктором Николаевичем, волевым мужиком лет 30, воевавшим в испанскую войну, штабистами, командирами батальонов, ротными, периодически собираясь вечерами в общежитии центра. Правда, чаще сидели «на сухую», а бывало, что и доставали закуску с согревающим у местного населения.

Месяц пролетел физически и морально изматывающе, но с большой пользой. Я и бойцы получили нужные знания и хорошие базовые навыки, осталось их осмыслить и грамотно применять.

Конец августа под Москвой, еще тепло, но уже нет жары. Каждый день мы слушали из репродуктора сводки Совинформбюро, извещающие нас об обстановке на фронтах. К концу

июля 1941 года в район Смоленска к врагу подошли свежие армейские корпуса, что позволило немецким войскам значительно уменьшить размеры Смоленского «котла» и рассечь его. В начале августа части окруженных советских войск при содействии ударной группы генерал-майора Рокоссовского, направленной Ставкой для их деблокирования, удалось переправиться через Днепр и выйти из окружения. Но сражение за Смоленск 1941 годы наша армия проиграла.

Необходимо отметить, что в период с 19 июля по 21 августа в планах Германии произошли события, сказавшиеся на ходе всей войны в целом. В Ставке Гитлера: «Господа генштабисты, наши фланги очень медленно наступают, отстав от группы «Центр», поэтому, чтобы подстегнуть медленно развивающееся наступление фланговых армий Юга и Севера, приказываю направить:

- одну танковую армию из ударной группы Гудериана и 2-ю пехотную армию генерала Максимилиана фон Вейхса из группы армий «Центр» поддержать группу армий «Юг» в направлении Киева;

- третью танковую группу под командованием генерал-полковника Гота, бросить на поддержку группы армий «Север». Вот мой приказ!»

«Мой фюрер, но таким образом, ударный кулак группы армий «Центр», наступающий на столицу России, окажется ослаблен, что сыграет на руку Советам!» – высказал свою точку зрения начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Франц Гальдер.

- Гальднер, я ничего не хочу больше слушать, ваша задача обеспечить моё видение этой кампании!

- Слушаюсь, мой фюрер, хотя считаю это чрезвычайной ошибкой.

Внешне этот человек напоминал какого-то школьного учителя, но будучи высокоэрудированным человеком и от природы обладающим стратегическим мышлением, он был на своём месте. Ведь, именно, Гальдер разработал планы большинства успешных операций, проведенных Вермахтом в Европе и в первые годы войны в СССР. Он работал в тесном взаимодействии с командующим сухопутными войсками генералом Браухичем. В высших военных кругах Третьего рейха говорили по этому поводу: «Что Гальдер придумал, то Браухич доложил Гитлеру».

Глава 4. Ельнинское наступление

В период с 30 августа по 8 сентября 1941 года силами Резервного фронта под командованием генерала армии Г. К. Жукова была проведена Ельнинская операция – первая боевая операция РККА, где мы смогли заставить немцев отступать. И, хотя, сам Жуков определял эту операцию, как локальную, тем более полного окружения группировки немцев не получилось – немцы просто взяли и сами отошли, выровняв фронт. Развить наступление нашим армиям тоже не удалось, они были остановлены. Однако выступающий немецкий плацдарм советская армия ликвидировала. Так и получилось, что местный успех 24-й армии под Ельней руководством страны в пропагандистских целях был объявлен крупной победой, что я, как боец РККА и, как житель страны, считаю правильным. Нужно было поднимать боевой дух армии, давать людям веру в свои силы – мы тоже можем и будем громить врага!

Наш полк вошел в состав Резервного фронта, поэтому в захвате города Ельня я принял непосредственное участие. Позиции нашего полка были с северо-запада на Ельню, поближе к направлению главного удара немцев по смоленскому тракту на Москву. Несколько дней шли массированные артиллерийские дуэли вдоль всей дуги выступа. Около восьмиста орудий, минометов и «Катюш» пытались развалить немецкую оборону, а немцы пытались сбить наш наступательный порыв. В перерывах между обстрелами, мы рыли окопы, все-таки в нем сидеть не так страшно, как лежать на земле за каким-нибудь бугорком, когда вокруг рвутся снаряды. Делали это с шутками и подначками, пытаясь за весельем прикрыть человеческий страх.

«Товарищ старший лейтенант, – нудит Боголюбов, – мы же разведка, а сидим и носа не высовываем из окопов?»

Приходится отвечать: «Куда ты собрался? Ты же конопатый, немцы сразу узнают, что ты красноармеец и ничего разведать не успеешь. Тут свой, непохожий на русского, как говорится, истинный ариец нужен, вон можно Бурята послать, его точно за русского не примут».

Вот как-то так посмеемся и копать легче. Пехота ходила в атаки, их отбивали, потом снова стреляли из пушек, и снова атаковала пехота. Прощупали немцы нас и танками, хотя как-то вяло, они больше в обороне сидели. Ежедневно Жуков собирал штабы с участием командования армиями, дивизиями вплоть до командиров полков, совещались, искали тактические ходы, перебрасывали свои части между участками, где казалось успешнее наступление.

Шубин приходил взвинченный, собирал нас, раздавал пистоны, мол, что мы топчемся третий день на одном месте, дальше двух километров не продвинулись и то на южном участке фронта. Слушая его, что-то вертелось в памяти: «Сегодня 2 сентября, что там с Ельней? И тут вспомнилось, что писал начальник германского Генерального штаба Гальднер в своем дневнике: «Наши части сдали противнику дугу фронта у Ельни. Противник ещё долгое время, после того как наши войска были выведены, вёл огонь по этим оставленным нами позициям и только через сутки осторожно занял их пехотой. Скрытый отвод войск с этой дуги является неплохим достижением командования».

То есть сегодня с вечера немцы оставят позиции и начнут отход на старый рубеж за Ельню, возможно, оставив небольшой заслон, изображать оборону. Все-таки послезнание хорошая вещь, помогает дополнительно проявить себя.

«Товарищ подполковник, разрешите обратиться, – поднимаюсь с лавки в командном блиндаже, – наблюдая за послеобеденной интенсивностью ружейной и автоматной стрельбы фрицев, у меня создалось впечатление, что она упала по сравнению с 1 сентября, как будто, врагов стало меньше. Это может говорить о том, что немцы начали отвод войск. А если они их отведут за ночь, а мы завтра начнем обстрел, то изведем кучу нужных нам снарядов по пустым окопам. В связи с этим разрешите провести ночную разведку боем силами нашего взвода!»

Когда хочешь чего-то, а это с тебя еще и требуют, то начинаешь рассматривать любые варианты. Наш подполковник был прагматичным командиром, а здоровый карьеризм никому не мешал. Он посмотрел на меня, посмотрел на присутствующих командиров: «А что, мне тоже показалось, что интенсивность спала, хотя из орудий они ого, как отвечали!»

Тут в рассуждения Шубина встрял наш командир артиллерии полка: «Это нас 105-мм и 150-мм полевые гаубицы обстреливали, а они за 10-13 км стоять могут».

Шубин согласно кивнул и продолжил: «Все детали операции обговоришь с начштаба, но, думаю, часов в одиннадцать вечера поползете к противнику. Полк привести в боевую готовность, но вначале я доложу в штаб дивизии – получу санкцию».

В это же время, мы с 29-ти летним начальником штаба полка майором Вадимом Николаевичем Недогаровым и тремя комбатами определялись: как, кто и что делает. Порядка часа согласовывали операцию наверху, перезванивали нам из штаба дивизии или мы им. В итоге, утвердили проведение разведки боем, причем на нескольких участках одновременно. Взяли сухпак на пару дней, 200-граммовых толовых шашек, гранат, разведчик-радист нес свою радиостанцию.

Придя во взвод, рассказал диспозицию, объяснил порядок движения и захвата позиций. Бойцы взяли фонарики, необходимые для подачи условных сигналов нашим основным частям, если все пойдет удачно, а неудачно – итак услышат.

Наступила ночь, над позициями со стороны немцев периодически взлетали осветительные ракеты «фонари», правда, их было достаточно мало, однозначно меньше, чем в предыдущую ночь. Взвод выдвинулся на исходную позицию и короткими перебежками, припадая к земле, прячась за несколькими подбитыми танками или в воронках, когда взлетала ракета, побежали к окопам противника. Отмахав таким способом метров 500, залегли и поползли попластунски. Хе, никогда не задумывался о том, что название способа скрытного передвижения от наших казаков-пластунов образовалось.

Лежа недалеко от окопов врага, засекли двух постовых, которые перемещались по окопу, и с разных мест выстреливали ракеты. Где-то должна быть и дежурная смена с офицером. В общем, когда немецкий солдат пошел вдоль окопа, к нему со спины подкрался Сергей Ледков, физически сильный, жесткий сержант, фанат оружия, который был в группе, добавленной к нам в центре. Он подкрался сзади к немцу и аккуратно «уложил» его на дно окопа. Потом был убран и второй часовой. Накинув его шинель и каску на себя, Сергей, а за ним наши ребята, которую во взводе, шутя, называли «птичьей стаей» или просто «стаей» двинулись зачищать окопы. В полумраке блиндажа дежурный фриц не опознал Ледкова, а дальше его устранение было делом техники. Он был зарезан, обер-офицер был оглушен и связан, а четверо рядовых так и остались навсегда спящими. Бойцы пробежались вдоль окопа метров на 100 в разные стороны, но никого не обнаружили.

Я узнал пароль и отзыв у лейтенанта, а также то, что представляет из себя второй рубеж, и почему никого нет. Оказывается, все части отошли, а оставшиеся пехотные отделения должны были изображать деятельность до рассвета, а потом также отступить. Нацепив сверху немецкие шинели и каски, шестеро бойцов и я в форме обер-офицера герра Манфреда Шульца – посмотрел его документы, двое со мной открыто и четверо сзади скрытно, двинулись ко второй линии. В это время Филиппов посигналил оговоренным образом в сторону наших окопов фонариком, что являлось сигналом того, что первая линия взята. Красноармейцы пехотного батальона прорыва под командованием моего ровесника капитана Валеры Донникова, лихого донского командира и юмориста, небольшими группами побежали вперед. Два моих разведчика потащили обер-лейтенанта в наш штаб полка.

Мы шли внешне спокойно, хотя кто его знает, как оно будет там, все зависело от того, сколько человек может нас встретить. Мы не скрывались, шли так, как идут по своей территории. Радовало то, что сейчас была ночь, все-таки могли и опознать издалека, что я – это не

герр Шульц. Подойдя ко второй линии, нас окликнул часовой, я назвал пароль и, прикрывая рукой лицо, будто чешу щеку, спустился в окоп, приблизившись к нему. Где-то южнее раздались автоматные очереди.

«Нарвались парни, – подумал я, – значит, надо форсировать события».

Часовой отвлекся на выстрелы, а я зажал ему рот рукой и перерезал сонную артерию, заваливая на землю. В это время Орлов и Чайкин соскочили в окоп и разбежались в обе стороны, один к местному блиндажу, а второй вдоль окопа. Быстро подошла остальная четверка, и мы окружили блиндаж, а двое пошли вслед Орлову. Дверь в блиндаж была закрыта, что делать: ждать смену постов или запереть их в блиндаже и все, а когда уже будет все равно – есть или нет тишина, просто забросать блиндаж гранатами? Решили оставить двух бойцов, которым действовать по обстоятельствам, а дождавшись пехоту капитана Донникова, сдать ему эту проблемку и догонять нас. Пленный обер-лейтенант Шульц рассказал, что за второй линией окопов метров на 300 правее их блиндажа должны стоять два грузовика, которые забрали бы утром порядка 40 солдат и офицеров, на которых все они должны были отступить к старым рубежам.

Взвод быстро выдвинулся к месту стоянки, окружив грузовики. Ледков метнул нож, смертельно ранив часового, который захрипел, попытался крикнуть и упал. Спящие в кабинах водители и фельдфебель, озираясь спросонья, подняли руки. Раздался выстрел из немецкого карабина, затем еще – упал наш солдат. Потом выстрелил Чайкин, попав немцу между плечом и шеей. Он не подходил близко к машинам и имел возможность охватить картину в целом, заметив огненные вспышки при выстрелах. Он закричал: «Вот он, гад!»

Мы подошли к раненому немцу, и кто-то сказал: «Видать, до ветру отошел, да залег за деревом, молодой, идейный, другой бы спрятался, а этот стрелять начал».

Водители и фельдфебель сжались, как будто уменьшившись в размерах.

«Если бы я был в командирской форме, выстрел в меня бы был, Андрей, добей фрица, – отдал я команду, – а этих сдайте пехоте. Боголюбов, осмотри Семушкина, что можно сделать – делай. Ивашов, возьми бойца и доставь к нашим фельдшерам в полк. Боголюбов поедет с нами».

Боголюбов разрезал гимнастерку, пуля вошла в спину и, похоже, застряла в лопатке. Сделав перевязку, Боголюбов вместе с двумя разведчиками уложили раненого на плащ палатку, чтобы отнести его в лазарет полка.

«Бойцы, какие должны мы сделать выводы из сегодняшней ситуации? – задал вопрос личному составу, – мы проявили беспечность, имея подавляющее численное превосходство в количестве пятидесяти против четырех, мы умудрились потерять трех бойцов: одного раненого товарища, будем надеяться, что выживет, и двух, которые его понесли. А если бы там был фриц со станковым пулеметом – полегли бы все. Значит, в будущем не выходим стадом баранов, а обязательно организация огневого прикрытия и разведки со всех направлений вокруг контрольного места».

Захватив два тентованных грузовика, бойцы взвода распределились по кузовам, где с краю уселись солдаты в немецкой форме, водители тоже были в немецкой форме.

Я собрал сержантов и старшину Филиппова и объявил: «Товарищи младшие командиры, сейчас Ельня пустая. Немцы отходят на старые рубежи, занимая позиции вдоль линии обороны по реке Десна до деревни Садки, а может быть и еще дальше. Наши пехотные части будут планомерно занимать территорию, наступая на Ельню. В тоже время, во исполнение приказа командования о проведении диверсионных действий с целью нанесения большего ущерба врагу, приказываю следующее. Мы совершим боевой рейд на немецкой технике вглубь немецких позиций. В местах, где будет наблюдаться скопление фашистских солдат или техники, проведем тактическую разведку и определим, какой урон врагу мы сможем нанести. У немцев «ordnung muss sein», то есть «порядок должен быть», конечно, на высоком уровне, но из-за

ночной перегруппировки частей, определенная неразбериха будет, чем мы постараемся воспользоваться».

Часа за два проехали по грунтовым дорогам порядка сорока километров, я пытался сориентироваться по немецкой карте, которая досталась от убитого командира танка. Наткнувшись на колонну из шести грузовиков с прицепленными на буксире гаубицами, пристроились к ней и поехали следом. Прошли Дубовежье, здесь должен проходить один из рубежей немецкой обороны, который тоже не будет особо удерживаться. Колонна остановилась, судя по всему, впереди стоял пост, который и тормознул её. Влево и вправо от дороги тянулись окопы немецких позиций. Встали и мы, потому что, если убегать сейчас, так нас сразу и расстреляют из пулеметов, прошив навывлет наши грузовики и тенты. Как оказалось, дорогу контролировали два станковых пулемета с расчетами и два отделения солдат, значит, примерно столько же отдыхают. Рядом стояли уставшие с виду два фельджандарма в их характерной форме с блестящими бляхами – горжетом на толстых, «новорусских» по размеру цепях, разговаривавшие с офицером из первой машины. Машины тронулись, проезжая мимо, я в окно козырнул офицеру, он махнул в ответ. Проехав поселок, грузовики повернули налево, а мы за ними.

На востоке уже серело небо, через час, полтора рассветёт. Часы показывали четыре утра. Так еще и разглядят, что в кузовах сидят не немцы. Въехав в поселок Лысовка, колонна стала притормаживать где-то в центре, подъезжая к самому большому дому – бывшему сельсовету, у дверей которого виднелся стоящий часовой. Мы объехали съезжающие с дороги машины и резво продолжили свой путь. Отмахав на машинах еще километров пять, я, ориентируясь по карте, дал вводную водителю: «Впереди должно быть Леонидово, пока лес закрывает нас от села, ищем съезд в лесок, загоняем вглубь машины и дальше пешком».

Проехав метров двести, Ломов свернул на узкую лесную дорогу, вторая машина повторила маневр. Углубившись в лес метров на триста, машины остановились и все вышли на природу.

– Птицын, выстави секреты!

Бойцы парами разбежались в охранение. Собрав оставшихся и подсвечивая карту фонариком, обрисовал диспозицию, после чего прикинули план действий.

– До Леонидово осталось примерно километр-полтора, двигаемся следующим порядком: впереди Бурят со своей командой – это наша разведка, за ними мы в немецкой форме шесть человек, за нами через 30 метров движутся остальные.

Подобрались к деревне, мы спокойно стали осматриваться. В лежащей перед нами небольшой деревеньке дворов на 40 сразу увидели стоящие танки. С нашей стороны я насчитал 14 танков «Pz.III». Расставлены были грамотно, практически полная готовность к бою с любой из сторон деревни, оставалось только экипажу занять свои места.

– Ледков, Лосев, нужно взять «языка». Бурят, прогуляйся по лесу вокруг деревни. Начни от въезда в деревню, тем более, что до него метров сто, там наверняка сидит «секрет», отслеживая всех, кто появляется на дороге. Ты идешь первым, бойцы за тобой».

Через полчаса появился Ледков: «Есть «язык», командир, сзади деревни во втором доме от края вышел оправиться, а потом покурить решил, тут мы его и «спеленали». Сейчас Лосев его притащит, а Бурят за домом присматривает. Насчитали там еще 17 танков, которых отсюда не видно, и там же за деревней под деревьями стоят три машины, у них вместо кузова цистерны и шланги, уложенные вдоль емкости – бензовозы. А вот узнавать полные они или нет, мы не рискуем».

Тут зашелестели кусты и появился Лосев, таща на плече оглушенного немца. Отошли подальше от деревни вглубь леса с Лосевым, Боголюбовым и пленным фрицем, а то вдруг он заорет и его услышат. Водичкой и легкими пощечинами привели солдата в чувство. Пленным оказался командир танка «Pz.III», молодой лейтенант 23 лет Гюнтер Флоэ. Я объяснил ему ситуацию, как солдат солдату, что оставлять его живым я не буду, но либо он умрет легко,

либо придется помучиться. Он рассказал, что в деревне находится первый танковый батальон в количестве 31 танка «Pz.III» и «Pz.IV». Это остатки полка после боев, еще три автомобиля-бензовоза с полными цистернами, отделение связи, штабная рота. Самое важное в его рассказе было то, что в деревне располагается командование 10-й танковой дивизии вермахта, командиром которой являлся генерал-майор Вольфганг Фишер (в реальной истории он еще воевал под Вязьмой, а погиб в январе 1943 года в Тунисе, сражаясь в африканском корпусе генерала Роммеля). Генерал ночевал, естественно, в лучшей избе деревни, где он, Флоэ, не был, но указал, что там еще квартировал начальник оперативного отдела, фактически начштаба дивизии. Сегодня часа в два ночи 40 танков второго танкового батальона, являющегося резервным, и пехотный полк убыли к линии фронта на юг, в сторону села Поповка. Километрах в трех южнее Леонидово в лесу оборудованы позиции 706-й роты тяжелых пехотных орудий, там же находится пехотная рота прикрытия батареи.

Затем он растерянно посмотрел на меня и произнес: «Herr Officer, ich habe 3 kleine Kinder und bitte meine Frau um ein paar zeilen...»

Потом вздрогнул, как будто очнулся от осознания того, что вот сейчас его жизнь закончится, не просто в бою, где «пуля пролетела и ага...», а сейчас. Он понимал это, как понимают осужденные перед казнью в последние минуты жизни. Потом осознав, что сказал что-то не то, встал, одернул серый китель, посмотрел на меня, извинился: «entschuldigen sie bitte».

«Что он сказал там про киндеров?» – спросил Лосев.

«Сказал, что у него трое детей, и он просит передать им несколько строк, которые он напишет. Я сверился с картой, показал ее офицеру, он ткнул пальцем в примерное место расположения батареи.

Не знаю, что на меня нашло, оставляя жизнь врагу, рассмотревшему нас в лицо, и находящемуся в непосредственной близости от немецких частей, но я сказал Лосеву: «Только оглуши фрица, свяжи руки и заткни ему рот, пусть живет. Скоро у фрицев побудка и нам надо спешить».

Семеро одетых в немецкую форму разведчиков двинулись выполнять свою задачу. К нам подобрался ожидающий в деревне Бурят: «В доме тихо, пока вас ждал, пошуршал по дворам, немного осмотрелся. На улице никого нет, возле бензовозов сидит часовой, возле штаба стоит часовой тоже, может еще в самом дворе, где спит генерал, или вокруг по периметру дома есть кто, не увидел – кто его знает, как у них генерала охраняют».

Мы решили в наглую не идти, а пройти к нужному дому дворами. В каждом дворике был сад, а дальше в сторону леса были высажены огороды.

– А чего скотину не слышно–то, ее ж давно пора обихаживать?

– Так откуда ей взяться–то, когда в округе стояла пара тысяч солдат – сожрали все.

– Ну и славно, а то даже не знаю, как подобраться–то к нужной избе.

Грачев, одетый в форму обер-лейтенанта танкиста с гранатами Ф-1, что в простонародье назывались «лимонками», уложенными в вещмешке и заготовленными в полку бечевками для растяжек, засел во дворе дома напротив бензовозов. В его задачу входило заминировать бензовоз так, чтобы при начале движения веревка намоталась на ось, выдернув чеку, и лимонки взорвали бензобак, а от него и бензовоз рванет. А лучше заминировать все три, вдруг другие машины уедут первыми.

Пробравшись через шесть дворов к нужному нам, как повелось, запустили самого «охотничего», а, точнее сказать, наблюдательного разведчика – Бурята. Проскочив последний двор, он долго, как нам казалось, осматривал двор, потом раздвинул жердины и, как будто, ввинтился в забор. Потом появился, подав нам знак, и снова исчез. Прячась за деревьями, колодезем, углами дома мы подобрались ближе и стали решать, как лучше проникнуть в дом.

«Командир, один часовой стоит у входа в дом, второй у забора на улице, расстояние метра три между ними, вдоль забора растут приличные кусты. Когда он ходит вдоль дома, то и не

увидит, как мы заменим немецкого часового на нашего Орлова. А проникнуть в дом, думаю, можно через окно сеней. Сейчас стекло у половинки окна вынем, я туда залезу, осмотрюсь, потом вы», – предложил Бурят.

– Ледков, нет – ты мощный, Лосев... Лосев вместе со стеной только пролезет, Чайкин, давай, следующий ты за Бурятом. Орлов, как только Ледков уберет часового, встаешь на его место, а я и Лосев быстро оттаскиваем труп за угол дома – это метр, значит, секунд пять должно хватить поднять его и унести, позже спрячем его в глубине сада. Боголюбов, ты контролируешь выход из хлева, там наверняка спят хозяева. Ледков, сразу начинаешь контролировать поведение второго часового, если что, то вали его и затаскивай во двор. Потом Лосев меня подкинёт в окно, чтобы и я попал в дом.

Часовой потоптался на месте и снова начал медленное движение по своему маршруту вдоль фасада дома. Выждав секунд пять, Ледков вышел из-за угла дома. Второй часовой возле двери начал поворачивать голову в сторону движения. Резко приблизившись, Сергей зажал ему рот и свернул шею. Первый часовой подошел к дальнему углу дома и особо никуда не спешил.

Мы же дальше действовали по плану, только вместо окна, Бурят и Чайкин проскользнули в дверь. Следом в дом зашли я и Лосев. В нём было три комнаты. Двигаясь прямо по коридору, увидели спящего человека. На вбитом в стену гвозде висела форма лейтенанта – адъютант похож. Он был зарезан, так и не проснувшись. Далее я и Чайкин просочились, отодвинув занавеску в одну комнату, а Бурят и Лосев в другую.

Упаковали немцев быстро, пришлось, правда, оглушить проснувшегося генерала ударом по голове, после чего вытащили тела через окно в сад. Я осмотрел комнаты и забрал в каждой по портфелю, заодно, забрали и портфель, стоящий в комнате, где спал адъютант.

Первый часовой стал возвращаться к углу, где был вход в дом и стоял его напарник. Орлов отошел в угол дома, присел, как будто, что-то рассматривая у основания стены, откидывая землю рукой, при этом помахав немцу, подзывая его. Тот осмотрелся по сторонам, открыл калитку и вошел во двор. Успев сделать несколько шагов, как на него сзади напал наш сержант. Оттащив второй труп в глубину двора, бойцы побежали догонять нас.

Времени было полшестого утра, уже достаточно рассвело, хотя небо хмурилось, а не светило яркое солнце. Резкий рывок через огороды метров двадцать и мы под прикрытием лесных деревьев. Бойцы радостно улыбаются, похлопывая «спецназ» по плечам. Подхватив пленных, выслав передовой дозор, мы двинулись к автомашинам.

Воевала эта дивизия хорошо, громя наши войска под Белостоком и Смоленском, поэтому проведение нашей диверсии, лишившей её командования, так сказать, укол в самое сердце дивизии, будет им хорошим подарком. Нас уже ждал Грачев, доложивший об исполнении задачи. Часовой «пропал», а точнее был убит и спрятан в лесочке.

Вдалеке грохотала канонада, очевидно за ночь наши части подошли к Ельне, заняли ее и теперь приблизились к очередной временной линии обороны гитлеровцев Садки – Поповка.

Я размышлял, что лучше сделать – выдвинуться обратным путем в сторону нашего полка, или наоборот, углубиться в лесной массив на запад, кстати, не такой и большой, в сторону основного рубежа обороны немцев, и попытаться отсидеться в лесу. Все же решили выдвигаться разведанным маршрутом. Радист отстучал шифровку с быстро составленным мной донесением о том, что нами захвачен командующий 10-й танковой армией с начальником штаба и документами, а также известная нам дислокация немецких танков и пушек.

И начался наш прорыв домой. Вспомнилось название фильма «Мерседес уходит от погони». Вообще, какие ставили фильмы о войне в советское время. Были, конечно, и слабые фильмы, примитивные, но многие были настоящими шедеврами, которые мы смотрели десятки раз, и все равно могли смотреть снова. Насколько настоящие мастера: режиссеры, сценаристы, актеры, создавали великолепную реалистичность картин, показывая людям, не знавшим той войны, всю ее тяжесть: условия жизни, горе потерь близких, героизм и самоотвер-

женность обычных людей – бойцов на фронтах, которые в мороз и грязь воевали с врагом, и работников тыла, которые в лютые морозы, недоедая, недосыпая, поднимали корпуса эвакуированных на Урал заводов и давали продукцию фронту. Это и фильмы Л.Быкова, «Щит и меч» В.Басова, «17 мгновений весны», «В августе 44-го», «Жаворонок», «А зори здесь тихие», «На войне, как на войне» и многие другие. Реальные войны, что прошедшие, что сегодняшние – это не компьютерная игрушка, где дети в силу «детского» понимания мира теряют чувство страха, перенося компьютерные разборки в реальность, не осознавая возможные последствия. Ведь там можно же «уйти на респаун» и возродиться целым и здоровым. Здесь, если погиб, то это навсегда.

В общем, проскочив Лысовку, мы подтянулись ближе к фронту. Сегодня его еще держали, но скорее всего в эту ночь, вновь будет совершен предыдущий маневр, то есть скрытный отход немцев в тыл к основному рубежу обороны и полное спрямление Ельнинского выступа.

И вот тут, продвинувшись в сторону Демшино, где по моим прикидкам должна быть зона действия нашего полка, хотя, полк могли перенаправить и в Ельню, мы съехали в лес, углубившись в него километров на пять. Выставили круговое охранение, которое будет меняться каждые два часа, и расположились на отдых в ожидании ночи. На связь я побоялся выходить, может быть ночью, когда будем уходить отсюда, то выйдем еще раз. Генерала, наверняка, уже ищут большими силами.

Не разжигая костров, подкреплялись консервированной свиной тушенкой и нашими галетами, накормили и «господ» генерала и подполковника. Эти немцы были настоящими фронтовиками, оба прошли Европу, победоносную для них французскую и польскую кампании, поэтому понимали, что в плену бузить было чревато для здоровья и, поэтому сидели спокойно, генеральского апломба не показывали. Я не испытывал к ним классовой ненависти, это не идейные эсэсовцы или националисты, поэтому относился к ним, как к обычным солдатам противника, попавшим в плен. Однако расслабляться нам с ними не надо – это боевые офицеры и при возможности просто так сидеть не будут, а попытаются сбежать. Генерал был где-то пятидесяти лет и достаточно плюгавеньким мужичком, танкисты все такие – гиганту трудно будет в танке разместиться. На его лице было написано философское равнодушие, братской любви ко мне он явно не испытывал. Ну, так я порушил его блестящую до сегодняшнего момента карьеру. Что мне от него надо было узнать, да, по сути, ничего. Я итак знал, что немцы будут рваться к Москве, где и получают на «первые орехи», потом будут «вторые орехи» – сталинградские и так далее. Просто захотелось немного поговорить с истинным арийцем, да будет ли у меня вообще в будущем возможность пообщаться с генералами. Я подошел к ним, сел на свой вещмешок, вокруг немцев располагался человек 10 моих бойцов.

Похвалил его награды: «Мол, вы настоящий боевой офицер, а не паркетный генерал, а по возрасту вы, герр Вольфганг, вполне могли и в 1-й мировой войне воевать. А сейчас в Европе в каких компаниях участвовали: Польша, Франция, Бельгия?»

Ему, похоже, было приятно чувствовать, что к наградам я отнесся с уважением, награды они и есть награды, давались за реальные победы, хоть и врагу. Вспомнил о большом количестве ссылок в интернете на то, что серьезные ордена, положенные за личное мужество в бою или великие дела по укреплению обороноспособности государства, раздают непонятно каким женщинам – маршалам или секретарям генштаба, чиновникам с артистами, которые, если и прилетали в горячие точки, то дальше бункеров военных баз не показывались. Может быть, сам приезд в зону боевых действий – это уже есть проявление личного мужества этих людей, достойное ордена. Объективно говоря, стать генералом – это уже подвиг, каким путем – это другое дело. Или вспомнил свою работу, где у сотрудников ряда служб, приближенных к раздаче медалей и знаков поощрения, на кителе за 5-7 лет службы медалей прикреплено больше, чем в иных службах у всех сотрудников вместе взятых.

«Да, – подтвердил Фишер, – начал я воевать в пехоте в первую мировую войну, потом служил в рейхсвере, а в тридцатые годы, когда стали развиваться танковые войска, возглавил полк, а затем и дивизию. Славный путь прошла дивизия, много побед было и в Европе, и в России.

– А как ваше впечатление от русских солдат?

– Плохое, взяли меня в плен русские солдаты. Но, если говорить объективно, то мы с первого дня много сталкивались с упорным сопротивлением ваших солдат еще на границе, но это были локальные противостояния, которые мы сминали. А дальше пошло легче, и вот прошло три месяца, а мы захватили территорию в четверть Европы. Воюя с вашими большими соединениями, я вижу много непонятных или даже бестолковых действий вашего командования. В результате мы громим вас на всех фронтах. Вы знаете, что нам сдались под Минском 22 советские дивизии, а под Смоленском мы взяли в плен 320 тысяч ваших солдат, целых 33 дивизии. И пусть я в плену, но скоро наши войска будут маршировать в Москве по Красной площади, а затем дальше захватывая вашу страну.

– Что вам сказать, герр генерал, в ответ? Да, пока вы побеждаете нас, и состояние дел на фронтах позволяет вам сделать выводы о том, что скоро вы будете в Москве. Вы воюете с 1938 года, «обстреливая» своих солдат и обкатывая технику, у вас развитая промышленность и профессиональные кадры на заводах. Мы же, как вы знаете, очень много потеряли в Первую мировую и в Гражданскую войны, но за двадцать лет снова подняли свою страну. У нас огромная страна и ее значительно сложнее в финансовом плане «развить» до приемлемого уровня во всех регионах. Однако, как вы уже убедились, большая территория имеет огромные плюсы, были бы мы, как Польша или Чехия, то не стало бы уже нас, как государства. Пусть у нас много брака на заводах из-за низкой квалификации рабочих и устаревшего парка оборудования, но мы развиваемся, у нас огромный потенциал, который именно сейчас, в тяжелые годы, раскрывается. Согласитесь, война способствует быстрому развитию промышленности. Если в мирное время люди раскачиваются, совещаются, решают месяцами, то сейчас все собрались в кулак, решения принимаются быстро, а внедряются еще быстрее.

– Да, согласен, герр обер-лейтенант. Как вас зовут? Хотел бы знать, кто командовал операцией по моему пленению.

– Я старший лейтенант, как вы заметили обер-лейтенант по-вашему, Кольцов Александр Павлович. А что касается войны, герр генерал, то вы выиграли сражение, а ведь вся война-то еще впереди. Есть русская пословица «не говори гоп, пока не перепрыгнешь», вспоминайте ее, когда будете наблюдать за ходом войны. И, возможно, именно это пленение спасет вам жизнь, и вы сможете увидеть нашу победу, а позже и то, как будет развиваться послевоенный мир.

– Герр Александр, я видел, как кричали русские офицеры, попавшие к нам в плен, что победа будет за ними, но там были лишь крик отчаяния. Вы же говорите так, как будто знаете, чем закончится война?

«Штирлиц в буденовке и в шароварах с лампасами шел по коридорам управления РСХА, – никогда он еще не был так близок к провалу! – вспомнив этот анекдот, я ответил. – Понимаете, герр Вольфганг, я прагматик и стараюсь смотреть объективно на ситуацию. Существует множество факторов, позволяющих со 100 процентной гарантией прогнозировать сложности, с которыми вы столкнетесь в этой войне и, которые вас сломают.

– Очень интересно?!

– Ваш блицкриг, так называемый план «Барбаросса» уже столкнулся с огромными территориями нашей страны, которые надо преодолеть, коммуникации снабжения ваших армий уже очень растянуты, а ведь вы только в начале страны, ваши самые мобильные части – танки, без ремонта просто не доедут от Бреста до Москвы. То есть вам даже без войны необходимо останавливать вашу машинерию и производить замены траков, двигателей и всего того, что полагается при техобслуживании. Это означает, что необходимо везти запчасти для ТО и

ремонта целой техники, а еще и восстанавливать подбитую. И такая ситуация у вас сложилась во всем. Ведь длинные коммуникации снабжения – это упущенное вами время, позволяющее нам успеть сделать больше вооружения, подготовить бойцов вместо погибших и попавших в плен. Далее, уже в этом месяце вы столкнетесь с распутицей, а дальше с морозами, где вся ваша техника встанет, а солдаты будут замерзать в осенних шинельках «от Хуго Босса». Все это приведет к стабилизации фронта, как минимум. Вы еще будете иметь возможность сравнить, что Россия – это вам не мягкая Франция. Наши заводы, эвакуированные в тыл, запустятся и заработают на полную мощность. Мы имеем все необходимые ресурсы: железо, нефть и так далее, то есть все то, что нужно для производства оружия. И самое главное, мы учимся воевать, воевать на фронтах и в вашем тылу, у нас уже «растут» наши маршалы Победы, умеющие анализировать ситуацию, просчитывать действия противника и предлагать победные решения. И, конечно, нельзя сбрасывать со счетов героизм русских, точнее сказать, людей всех национальностей СССР. А все ваши союзники: итальянцы, румыны, пока вы их прикрываете и они имеют преимущество, кое-как воюют, а дальше, когда вы выдохнитесь, они пешком драпанут быстрее автомобилей или будут пачками сдаваться, лишь стоит их прижать. Вот, основываясь на этом, я и спрогнозировал, что ждет великую Германию в СССР.

В общем, мне было намного легче давать оценки ситуации, обладая моим послезнанием истории.

– Посмотрим, посмотрим, кто окажется прав, но что будет дальше со мной и моим офицером?

– Как что,ждемся нашей части, отсиживаясь здесь, и передадим вас в штаб фронта.

– Сколько мы будем отсиживаться, ведь я ценный источник информации, пока сведения не устарели меня надо доставить вашим командирам.

«Аха! А вот хрен тебе «ценный источник» возить тебя сейчас. Надеешься, что нас тормознут поисковые части вермахта и тебя освободят», – про себя подумал я.

– Герр Вольфганг, если мы будем прорываться через ваши заслоны или даже наши позиции, есть большая вероятность, что нас расстреляют и мы все вместе погибнем от пуль, поэтому я не могу рисковать вами! А ваша информация, но это Жукову и Ставке итак понятно – вы отступите, выровняв фронт, а основной удар по вашему плану «Барбаросса» идет на Вязьму и Москву. Важна лишь информация о точном количестве ваших войск и, где они дислоцируются, но день, два наше командование потерпит без этих данных.

«Откуда вы знаете название нашего ударного плана, герр Александр»? – взволнованно спросил генерал.

«Хм, действительно, откуда простой лейтенант знает название секретного плана немецкого генштаба? Да у нас это каждый школьник знает, фильмы смотреть про войну надо – вот откуда! – посмеялся я про себя. – Нам это довело командование, наверное, кого-то из ваших штабных или важных командиров взяли в плен, вот и узнали об этом плане».

Вдали слышались раскаты взрывов артиллерийских снарядов, а лежа на траве, иногда ощущалось, как вздрагивает Земля, в общем, до линии соприкосновения было всего-то километров пять-семь. Вечерело, боевые действия стали затихать, ночь вступала в свои права.

Пока не совсем стемнело, я записал в блокноте наш боевой путь и представление на награды всему взводу и на особо отличившихся. Здесь я действовал по принципу «пиши больше – все равно будут корректировать и урежут». В свое время, читая о войне, попадались описания фронтовиков, где описывались разные командиры: одни были завистливы, зажимая представления на солдат, другие по складу характера считали, что защищать Родину нужно и без медалей, а по долгу гражданина, а третьи, наоборот, поощряли людей и писали представления, чуть ли не после каждого боя. Я тоже считаю, что за проявленные грамотные действия, приведшие к нужному результату, а если еще они и героические, солдат надо поощрять. Ведь не зря же правительства стран ввели такие знаки поощрения.

Поспав часа четыре, я проснулся и стал поднимать бойцов. Разбудив народ, собрал их вокруг себя: «Товарищи, думаю, что немец снова оставит позиции и будет отходить километров на пятнадцать назад, чтобы выровнять фронт в прямую линию. Что это для нас может значить?»

«Известно что, пехота будет отступать, возможно, что через этот лес и может наткнуться на нас», – продолжил мою мысль Филиппов.

– Правильно, значит, сейчас выходим на связь с нашим полком. Передаем информацию о нашем расположении, запрашиваем об их месте дислокации и, вероятнее всего, придется этой ночью выдвигаться к своим.

Со стороны дороги к нам бегом направлялся наш часовой из секрета.

– Товарищ старший лейтенант, по дороге прошла колонна грузовиков порядка 30 машин с солдатами, 10 автомашин с короткоствольными пушками на прицепе, но еще перед своим отходом сюда я видел, что вдалеке видны горящие фары какой-то техники, похожей на мотоциклы.

– Значит, немцы уже начали отход, вот тут мы и можем проскочить. Как соберем бойцов из окружных «секретов», заводим наши «Боливары» и в путь. Немцев уложите на дно кузова, дайте им скатки под голову, что ли. Филиппов с отделением – отвечаешь за фрицев, если что, хоть на руках выносить их будете. Проведя радиосеанс и собрав всех разведчиков, где-то через полчаса мы выехали. Не доезжая выезда из леса, я отправил двоих разведчиков поглядеть, что творится на дороге. Вскоре они вернулись вместе с остальными бойцами «секрета».

«На дороге спокойно, недавно прошла группа грузовиков с пушками и солдатами. Через минут десять проехали мотоциклисты, за ними шесть БТРов, в настоящее время на дороге стоит тишина», – доложил наш разведчик.

– Бойцы, если встретятся немцы, и они нас остановят, то будьте готовы к бою. Постараемся прорваться, но, возможно, что придется принять бой, одним словом, если мы притормозим и погасим задние фонари, то снайпера на ходу выскакиваете из кузова, сержант Птицын и твоя «стая» выпрыгиваете следом, как группа прикрытия, и действуете по ситуации. Когда выйдете на позицию, сообщите об этом мне уханьем филина. Затем сразу начинайте выбивать пулеметчиков и автоматчиков. Я из пистолета постараюсь кого-нибудь «уложить», но только тех, кто будет рядом. Дальше, мы либо дожидаемся вас, либо уходим с грузом, а вы растворяетесь в темноте и добываетесь сами. В общем, слушать команды, когда я буду кричать.

Проехав минут двадцать мы наскочили на передвижной пост. Впереди метрах в двухстах нас ослепили фары чего-то большого. На машине погасили фары и габариты, затем включили их, затем сбросили скорость километров до десяти, чтобы парни спрыгнули из кузова без травм и не сильно отстали от нас, подбираясь в придорожных кустах и за деревцами. Со второй машины тоже была сброшена группа из шести человек. Вскоре наши фары выхватили «Ганоман», стоящий на обочине, и пару мотоциклов, стоящих с обеих сторон дороги. Очевидно, что в кустах рассредоточились еще группа из 10-12 фрицев.

Нас тормозили. Я достал свой штатный «ТТ» из кобуры, взвел курок, чем одновременно снял его с предохранителя, открыл окно, а пистолет вставил в кобуру снова. Водитель Ломов также достал трофейный «Парабеллум» и открыл окно. Вся надежда была на выброшенные группы. Мы медленно подкатывали к посту. Я достал документы обер-лейтенанта Шульца, в чьей шинели и фуражке я до сих пор пребывал. В голове вертелись мысли: «Что делать, сидеть в машине или, открыв дверь, попытаться выйти и изобразить, что поскользнулся на ступеньке, упасть на землю, чтобы уйти с линии огня пулемета?»

– Ломов, когда я выйду, поскользнусь и свалюсь на землю, то ты, если начнут стрелять из пулемета, падай на пол и, если повезет – останешься цел. А, если парни положат пулеметчиков, то рви вперед, чтобы не стоять неподвижной мишенью. Надо тебе уйти от обстрела авто-

матчи́ков, которые сидят в кустах по бокам. Главная твоя задача вывезти генерала. Отъедешь вперед, остановишься и дожде́шься нас. Ясна диспози́ция?

– Так точно!

Мы остановились перед солдатом, к кабине подошел лейтенант: «Ihre dokumente, die in der karosserie».

Я подал документы и, махнув рукой в сторону кузова, сказал, что «в кузовах взвод заслона», то же самое, что мне когда-то отвечал о своём подразделении лейтенант Шульц. Беседуя с офицером, я стал выходить из машины. При этом моя нога соскользнула со ступеньки и я, спотыкаясь, пробежал несколько шагов вперед и свалился за обочиной, ругаясь словами «Donnerwetter! So eine scheiße», что в переводе на русский примерно означало «чёрт побери, вот дерьмо». Я услышал уханье филина, затем второе и тут защелкали наши «плетки» – винтовки «СВТ-38» с оптическими прицелами. Пули откидывали тела пулеметчиков, сидящих на мотоциклах и БТРе. Было ясно, что они уже не бойцы. Я выхватил пистолет и засадил четыре выстрела в лейтенанта и тормозившего нас солдата. Ломов рванул вперед, а из кузова второго автомобиля посыпались наши солдатики. По автомобилям и выскакивающим из них бойцам, застрекотали автоматные очереди, подсвечивая огоньками места залегания фашистов. К ним добавились еще очереди автоматов наших разведчиков, зашедших немцам с тыла.

За несколько минут бой был окончен. В кузова загружали наших убитых и раненых, и собранное оружие. По два бойца уселись на мотоциклы на места водителя и пулеметчика, нацепив верхнюю одежду убитых немцев. Несколько бойцов забралось в БТР. Убили у нас четверых солдат, одним из которых был наш штатный взводный водитель, управляющий сегодня второй машиной, ранеными оказались трое: один тяжелый – разворочена спина в месте выхода пули из грудной клетки – не довезем, и двое отделались касательными ранениями руки и головы. Впереди ехали мотоциклы, за ними мы на второй машине и «Ганомэг» замыкал нашу колонну.

Метров через 800 впереди на дороге нас дождался Ломов. Генерал и подполковник оказались живы, а вот один боец наш погиб, закрывая их своим телом. Я снова пересел к Ломову в кабину.

«Да-а-а, нужен ли нам такой размен – наши парни, молодые, надежные и какой-то генерал, который будет топтать землю в лагере для военнопленных или куда там его определят», – вслух проговорил я.

«Жаль парней, но это война», – ответил мне Ломов.

Мы уезжали все дальше и дальше от места боя. Немцев не было. Неужто, это был последний КПП и фрицы давно оставили свои позиции? Затем колонна пересекла три пустые линии окопов, проехали через пустой пост, который проезжали два дня назад и рванули в нашу сторону, моргая фарами, чтобы нас сразу не подстрелили. Где-то в пределах километра по нашим прикидкам должны стоять наши части. Нас встречали, красноармеец заставил тормознуть, подошедший капитан Донников, радостно облапил меня, похлопывая по спине: «Ну, бродяги, прибыли, молодцы! Вас срочно ждут в штабе!»

– Полка?

– Не-е-ет, бери выше, еще выше, вот теперь угадал – совсем высоко, ха!

На грузовике я, немцы и охрана с Донниковым двинулись в штаб нашего полка, чтобы оттуда с комполка Шубиным предстать перед командующим нашей дивизии и, возможно, что и фронта Жуковым. Сержант Сергей Ледков и несколько бойцов взвода повезли наших раненых и убитых в полковую санчасть. Старшина Филиппов стал оформлять сдачу трофеев. Я дописал в листок сведения о бое с немецким постом, захваченную технику и отметил уверенные действия стрелков.

Я доложил подполковнику Шубину, и мы срочно выдвинулись в сторону Ельни, куда передислоцировался штаб дивизии и Резервного фронта.

«Возможно, что сейчас я увижу одного из главных героев ВОВ», – размышлял я, трясясь в грузовике с двумя отделениями охраны из батальона Донникова, едущем вслед за штабной машиной «ГАЗ-М1», в которой ехали Шубин и наш начштаба с пленными офицерами и их портфелями.

Разное пишут о Жукове: одни хвалят, другие ругают, обвиняя в непрофессионализме, допущенных огромных потерях при проводимых им операциях. Вспомнились даже отрывки из воспоминаний маршала Василевского о личных качествах Жукова «на совещаниях разговаривал жестко, мог быть очень грубым, а при случае ударить по лицу. Если сегодня ударит по зубам – врежу ему в ответ». Хотя это воспоминание касалось именно рабочих моментов, когда разрабатывались и принимались военные решения. Сам знал в «прошлой» жизни людей, бывших начальниками строительных управлений, которые рассказывали о том, как бывало, проходили совещания в строительном главке или тресте. До того закипали страсти мирного, еще советского времени, что начальники управлений или главные инженера плевались друг в друга, рвали рубашки и пиджаки своих оппонентов, кидались графинами с водой, вырезанными из декоративного камня подставками под письменные принадлежности, выясняя, кто виноват за срывы сроков и так далее. А ведь попадаи такая подставка по голове и травмы не избежать. В обычной или семейной жизни Жуков был вполне адекватным, нормальным, хоть и властным человеком. Поэтому лично мое мнение таково: «Война воспитала плеяду действительно победоносных полководцев и Жуков стоит, все-таки, на первом месте, как главный маршал СССР, маршал Победы. Да, ему помогали или, можно сказать, на него работали штабы армий и фронтов. Штабные офицеры – профессионалы своего дела, разрабатывали стратегические и тактические планы кампаний или отдельных сражений, но конечное решение принимает именно командующий, отстаивая его, если того требовал статус решения, перед членами Ставки и товарищем Сталиным. Да итак можно сказать, что там, где находился Жуков, особенно в 1941-1942 годах, наши войска не только сдерживали, но и громили врага. О его стратегическом военном чутье и опыте свидетельствует даже тот факт, что полученные разведданные и показания перебежчиков о возможном начале войны, Г. К. Жуков, как начальник Генштаба, и Н. Ф. Ватутин, как его первый заместитель, и присоединившийся к ним нарком обороны СССР С. К. Тимошенко не проигнорировали. На совещании, закончившемся в 23.00 часа 21.06.1941 они смогли убедить И. В. Сталина принять Директиву № 1 о приведении в боевую готовность приграничных военных округов в связи с возможным нападением 22-23 июня Германии на СССР. Директива была немедленно передана в войска, но оказалась во многом запоздалой из-за малого времени для ее реализации на местах.

Несмотря на ночное время в сторону фронта передвигались пехотные части. В Ельне мы подъехали к зданию бывшего городского Совета народных депутатов. Шубин подъехал непосредственно к зданию, а грузовик был остановлен у въезда на площадь метрах в тридцати от здания. Я выскочил из кабины и, пробежав это расстояние, успел к «банкету», то есть зайти в здание вместе со всеми.

Дежурный офицер проводил нас к бывшему кабинету председателя горсовета, куда зашли Шубин, Недогаров и немцы, а я остался гулять по коридору. Через полчаса появился Недогаров и помахал мне рукой, мол, давай сюда – зовут. Я зашел в кабинет. Во главе стола сидел Жуков, вокруг стола на стульях сидело человек пятнадцать: штабные, возможно, командующие участвующих в операции 24-й и 43-й армий, я не знал их в лицо, командир нашей дивизии Иван Никитич Руссиянов, мое непосредственное начальство, переводчик и пленные немцы. Я встал по стойке смирно и представился по установленной форме. Пленных немцев вывели из кабинета.

Я и Жуков рассматривали друг друга несколько секунд, наверное, и мысли были похожи, по типу «так вот ты какой, северный олень».

Потом Жуков скомандовал: «Вольно, товарищ старший лейтенант. Александр Павлович, расскажите вкратце боевой путь вашего взвода, а также свои наблюдения в немецком тылу, в общем, все, что посчитаете важным озвучить».

Я начал доклад. Рассказал о том, что заметив уменьшение интенсивности ответного ружейного немцев, сделал предположение, что они отошли. Это требовалось проверить и, если это было действительно так, то марш-броском захватить вражеские позиции. На совещании, проводимом командиром полка Шубиным, я озвучил свое наблюдение, что и подтвердили остальные командиры полевых частей полка. Поскольку подчиненный мне разведвзвод является самым подготовленным подразделением для разведки и ночных боевых действий, предложил провести ночную разведку боем. Данное предложение встретило полное одобрение у командира полка и начальника штаба, а также командира нашей дивизии генерал-майора Россиянова, в возможно короткие сроки согласовавшего проведение операции. Ночью мы, скрытно подобравшись к позициям немцев, убрали часовых, взяли в плен обер-лейтенанта Шульца, кстати, его форма и документы здорово помогли нам в будущих действиях, который обрисовал нам общую ситуацию по гитлеровской обороне. Очистив вторую линию окопов от, скорее, наблюдателей, чем защитников рубежа, мы на двух трофейных грузовиках совершили рейд по тылам противника.

Хочется отметить два аспекта. Первый – это то, что комполка дал нам указание провести боевые действия именно по разведывательно-диверсионному профилю подразделения, разрешив проведение свободного поиска целей, а не использовал нас, как обычные пехотные части по планомерному занятию территории. Именно диверсии на коммуникациях врага подготовленными бойцами принесут большую пользу армии, чем их сидение в окопах. И, если подразделения особо назначения выполняют диверсии, используя глубинную заброску в тыл врага, где действуют окруженцы и добровольцы из местных жителей – партизаны, то нас, фронтовую разведку, надо использовать для диверсий в прифронтовой полосе и ближнем тылу врага. И второй – хотелось бы отметить оперативные действия нашей пехоты. Далее, используя ситуацию, воспользовались общей передислокацией немецких подразделений и, как говорится, «под шумок», пристроившись к колонне, проскочили и контрольный пост, и деревни. Наткнувшись на немецкие танки в Леонидово, провели разведку, взяв командира танка в плен, у которого выяснили текущую остановку. Пленение генерала было уже делом техники, спеленали командира 10-й танковой дивизии Фишера с его начштаба, собрали в комнатах все документы, какие нашли. Также заминировали несколькими гранатами на растяжках бензовозы, привязав чеку к осям задних колес, в результате чего при движении автомобиля на ось наматывается веревка, которая выдернет чеку лимонки, что гарантировано должно взорвать бензобаки. Но результата мы не видели, пришлось уходить с генералом раньше.

Уходили мы в немецкий тыл, день отсиделись в глубине леса, а сегодня по результатам радиосвязи с полком, решили прорываться к своим. Далее был короткий бой с передвижным постом, где была взята трофеем немецкая БТР, мотоциклы и оружие. К сожалению, именно в этом бою взвод понес потери. Лист о представлении отличившихся солдат на поощрения я подал командиру полка. Вот и все.

«Знаете, Кольцов, а это первый плененный нашей армией генерал. Со сведениями, которые находятся в портфелях, мы разберемся. Что-то еще хотите добавить?» – спросил Жуков.

– Хочу, товарищ генерал армии, впереди еще долгая война, поэтому генералов мы захватим много, немец к Москве рвется, где он будет остановлен и много его погибнет. И разрешите пару слов по обстановке – мы проехали несколько километров в сторону фронта и не увидели войск врага, наблюдая лишь отступающие части, то есть, похоже, что они повторили свой маневр двухдневной давности, скрытно отведя войска километров на двадцать – тридцать назад, выправив фронт. Считаю целесообразным использовать эту информацию и пехоте захватить оставленные немецкие позиции этой ночью.

Глава 5. Проблемы, однако

Мы были отпущены, возвратившись к себе в полк, и самостоятельно, пехотными батальонами захватили пустые немецкие позиции первой и второй линии. Думаю, что Шубин также доложил об этом в дивизию. Ночь прошла спокойно, а утром мы выдвигались походной колонной вперед. Нужно было пройти порядка тридцати километров и атаковать позиции уже главного рубежа обороны гитлеровцев.

После обеденного привала меня, «птичью стаю», Боголюбова, Лосева, Ломова, Петрова, Ледкова и почти полвзвода из «стариков», то есть тех, кто отступал от Белостока, вызвали к Шубину. Там я увидел артиллериста Смирнова, с которым поболтали, ожидая информации о вызове. Вышел Недогаров, скомандовал построение. На построении присутствовали начштаба, полковой комиссар, несколько офицеров штаба и комбаты. Нас построили и начштаба зачитал приказ: «Согласно приказу от 15 августа 1941 года за мужество и героизм по защите нашей Родины, проявленное при обороне железнодорожной станции Толочин награждаются:

- орденом «Красного Знамени», денежной премией за сбитый самолет в размере 1000 рублей старший лейтенант Кольцов;

- орденом "Красной Звезды" лейтенант Смирнов и денежной премией в размере 500 рублей;

- орденами "Красной Звезды" и денежными премиями за подбитые танки красноармейцы по списку;

- медалями «За отвагу» и денежными премиями за уничтожение живой силы противника красноармейцы по списку, в том числе и посмертно.

«Спасибо, Фёдор Дмитриевич, – поблагодарил мысленно командующего 1-м стрелковым корпусом генерал-майора Рубцова, – не забыл ты ту станцию».

Далее, согласно приказу от 20 августа 1941 года за нанесенный урон противнику награждаются медалями «За боевые заслуги» старший лейтенант Кольцов, сержанты и рядовые по списку, а также денежной премией в размере 1000 рублей за две единицы бронетехники противника на всех семерых. Деньги шли на сберкнижку, с наличными я не «заморачивался».

Шубин поздравил нас, потом подошел ко мне: «Молодец, Александр, правильно Жукову доклад сделал!»

Я улыбнулся в ответ, как говорится, прогиб засчитан: «Так я же все, как было, рассказал, без вашего понимания ситуации ничего бы и не было, топтались бы перед Ельней, стреляя по пустым позициям несколько часов».

Придя в расположение, получившие медали бойцы радостно обсуждали это событие, вокруг сгрудился весь взвод, да и некоторые бойцы из Донниковского батальона подтянулись – рядом же стояли, держа позиции. Настроение было радостное, над привалом носились мысли и разговоры о том, что вот бойцы, с которыми ты воюешь рядом, получили медали, значит, и мы сможем. Разведчики заодно обсуждали, что им может перепасть за эту операцию в будущем. Тут и время ужина поспело. Полевая кухня стояла тоже близко, обслуживая наш взвод. На ужин притапали Донников с комбатом второго батальона.

– Валер, Андрей, давайте присоединяйтесь, мы с ребятами собирались обмывать, как положено, медали и ордена.

Достали фляжки, налили спирта, опустили в него ордена, медали и пошел котелок по большому кругу. Глоток делали все: и получившие медали и все остальные за Победу, за солдатское счастье. Потом набирали кулеша с отдельными кусочками конины. Повар, сержант лет под пятьдесят Семеныч, и его напарник из хозвзвода, молодой солдат-срочник первого года

службы, которого я окрестил «студентом кулинарного техникума», где-то изыскали съестные резервы в виде погибшего сегодня коня, в результате чего весь полк ел кулеш с мясом.

«Ну, что, герои, поздравляю! Сань, давай делись, что вы там натворили в рейде?» – принялся за меня Донников.

Рассказал в общих чертах наши приключения, разведчики иногда встревали в разговор, дополняя отдельные моменты и вспоминая свои эмоции. Помянули всех погибших: и разведчиков, что погибли в самом конце операции, и бойцов из пехоты.

– Трудно вам парни, гибните вы, как мухи, и грязь месить ногами – не подарок, но помните – государства завоевывает пехота, все остальные элиты войск вам лишь помогают это делать, расчищая ваш путь.

Народ заулыбался, мол, мы пехота тоже не пальцем делана.

«Валер, а тут какая была обстановка?» – задал я вопрос Донникову.

– Да что, заняли окопы, передали твоих пленных в штаб. Утром весь полк снялся и двинулся вперед. Совершили марш-бросок примерно до Ельни, только севернее, ну, в общем, где мы вас и встретили. Потом отдых и дотопали до позиций немцев, а рано утром был бой. Мы атаковали, но взять не смогли, жаль парней, много выбыло из строя в атаках, раненых много. А потом пришла ваша радиограмма, что вы генерала гитлеровского взяли в плен. Тут такой кипиш начался, Шубин развил бурнейшую деятельность, возможно, что сразу в дивизию доложил, а мы снова в атаку, ведь по прямой линии мы почти напротив вас и были, километров двадцать может расстояние между нами. Вот и погнали нас снова вперед за пленным генералом, да еще целым командующим дивизией с портфелями документов. Но, в целом, ничего не получилось, артиллерией долбили, а взять окопы не смогли – пулеметов у них много, отсекают нашу пехоту. А потом второй ваш выход в эфир – вы, вообще, под боком оказались, да и сведения о том, что видели отход немцев, нам помогли. Однако, теперь командиры решили дожидаться утра.

Я поглядел на «студента кулинарного техникума» – парень в мыслях точно захватывал, как минимум Гудериана, такое у него героическое лицо было. Я рассмеялся и на вопросы товарищей, поделился своими наблюдениями. Смеялись все, а паренек покраснел, как помидор.

– Вань, а чего ты стесняешься, плох тот солдат, который не мечтает стать генералом, и тот работник при кухне, который не мечтает быть шеф-поваром. Расскажу я тебе историю о том, что на войне возможно всякое и, при смекалке и храбрости, можно даже повару совершить не трудовой, который ты совершаешь каждый день, когда под рвущимися снарядами привозишь продукты и готовишь нам еду, а, именно, боевой подвиг.

Я начал свой рассказ: «Так вот, этот случай я услышал на станции, когда мы отступали (хотя, в своей реальности я читал о нем в интернете). Он произошел с советским солдатом – поваром танкового полка Иваном Павловичем Середой 30 июня 1941 года, когда он готовил обед. Весь личный состав участвовал в недалеко идущем бою, поэтому он был один. Внезапно рядом появился немецкий танк, который обошел наши части. Увидев танк, повар Середа укрылся в лесочке и стал ждать. Танк остановился около кухни, и командир высунулся из башни, возможно, решив подкрепиться готовым обедом. Может эта наглость немцев, попытавшихся захватить кухню – самое ценное, что есть у повара, и привела к следующим последствиям. Так же, Семеныч, что у вас поваров самое ценное в хозяйстве?»

– Хозяйство разное бывает, товарищ старший лейтенант, с разными ценностями.

– Да ты философ-о-ов, хозяйства у него разные, однако! В общем, Середа вдруг выбежал на танк с топором и немецкий танкист, вероятнее всего, не ожидавший такого от русского мужика, просто испугался. Короче говоря, он нырнул в башню и захлопнул люк. Ударами топора Середа погнул пулеметный ствол, а затем закрыл смотровые щели брезентом, закрепленным на броне танка. После этого он попросил гранату у якобы подошедших товарищей и принялся барабанить обухом по танку, изображая активное движение вокруг машины. Экипаж танка сдался.

Так что, кто знает, на какие поступки способен человек, когда ему очень надо, а эту историю, думаю, что услышит какой-нибудь военный корреспондент и напечатает ее во фронтовой газете.

Донников, почесав нос, глубокомысленно заметил: «Знаешь, Семеныч, что я подумал, мы как-то мало танков подбили в бою, но теперь я знаю, как их уничтожить надо – мы теперь все танки к тебе загонять будем, а ты с Иваном уж не подведи нас».

Громким смехом закончились наши посиделки, народ разбрелся, кто в ночные наряды, а кто спать.

Мы проходили через Лысовку, когда ко мне подошел Грачев.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите смотаться в Леонидово.

Мотоциклы мы отстояли, и они числились в нашем взводе, как матчасть мобильной группы разведки. Так мы с Воробьевым по-быстрому слетаем, хочется посмотреть на бензовозы и вообще.

Самому было интересно, рванули ли они: «Давай».

Через полчаса Грачев догнал нас. По лицу было видно, что удачно съездил.

– Товарищ старший лейтенант, знатно там бахнуло, видел отброшенные кабины, одна на улице, а вторую аж в сад крайнего дома закинуло, да как бы там танк не перевернуло, много следов, пробуксовок гусениц, похоже, переворачивали его. А по дороге еще наши части мимо Леонидова топают на запад.

На следующий день наши части подошли к основной линии фронта и приступили к организации своего рубежа обороны. Одновременно начались артобстрелы друг друга и пехотные атаки на позиции противника. Штаб полка разместился в деревеньке Петрово, примерно в двух километрах от передовых позиций.

Вот тут меня вызвал к себе наш полковой комиссар, невысокий мужичок лет пятидесяти, с появившимся животиком, и весь он был из себя какой-то масляный, поскользнуться можно, и улыбка его, и взгляд вызвали желание отойти – неприятный человек, в общем. Он расположился на постой в одной из пустующих, после того, как тут побывали гитлеровцы, деревенских изб.

– Заходите, присаживайтесь, товарищ старший лейтенант. Время у нас мало, поэтому я хотел бы, чтобы вы подробно описали, о чем вы имели приватную беседу с фашистским генералом Вольфгангом Фишером, а пока вы пишите, я попью чаек, с вашего позволения.

Сильно напрягло меня это явное желание комиссара найти шпиона, тоже захотел славы настоящего волкодава контрразведки, да шпиона не абы какого, а такого, на которого и не подумали бы, что он враг. А то, что он меня уже определил в них, было понятно, и вопрос лишь времени, когда он подберет нужные обоснования, чтобы меня арестовать. Досадно, а так все красиво идет: подвиги совершаю, медали получаю, что еще надо, воюй себе и воюй. Нет же, находятся гниды, которые ставят подножки тем, у кого что-то получается лучше, чем у них.

Я описал примерное содержание нашей беседы. Комиссар прочитал его и положил в свой портфель, убрав его за кровать; «Вы были знакомы с генералом ранее?»

– Нет, откуда бы я, обычный советский лейтенант, мог быть знаком с немецким генералом?

– В ваших анкетных данных указано, что вы посредственно владеете немецким языком, но глядя на вашу беседу со стороны, вывод однозначен – вы хорошо знаете язык и беседовали с фашистским генералом, как старые знакомые. К сожалению, остальные наши бойцы владеют языком существенно хуже вас и не смогли понять всю беседу.

– И вы на основании домыслов вашего доносчика, который даже перевести не может толком, обвиняете меня в шпионаже! В конце концов, вы можете опросить немецких пленных: самого генерала и подполковника и сверить наши показания

– Я вызвал вас на беседу и вы, как настоящий советский человек, должны честно отвечать на вопросы, а вы сразу в «ничего не знаю» идёте. Вы называли его по имени, беседовали о его пути по Европе, как будто знали, где он воевал, а ведь вы видите его впервые.

– Я взял его в плен, поэтому имею моральное право называть его, как мне хочется, хоть по имени, хоть козлом. О его боевом пути можно догадаться, видя количество орденов на кителе. Их дают за успешные боевые операции, а немцы только что захватили Польшу и Францию, я спросил еще и про Данию, но он там не воевал. Но я хотел услышать его мнение о нашей армии с их стороны – он его высказал. К тому же, пока мы отступаем, то есть на сентябрь месяц 1941 года немцы нас побеждают, или вы не согласны со сводками Совинформбюро, считаете, что Правительство обманывает советский народ, и мы на самом деле побеждаем?

– Как вы разговариваете со старшим по званию, и не передергивайте смысл моего вопроса, наше Правительство с товарищем Сталиным лучше нас знает, о чем говорить в сводках.

– Я тоже так считаю, но я не понимаю вас. Судя по положениям на фронтах, мы сейчас проигрываем, именно это мы объективно обсудили и оценили с генералом Фишером, но я принципиально выразил в своей позиции, что это только начало, мы проиграли дебют, говоря шахматным языком, но еще не разыгран миттельшпиль и эндшпиль. СССР, как это было всегда с захватчиками, разгромит вражеские орды и победа будет за нами. А вы мне говорите, что все наоборот, что я неправ в реальной оценке текущей ситуации.

– А мне показалось, что вы, Кольцов, видя тяжелое положение РККА, ищите способ переметнуться на сторону врага.

– Вы подозреваете, что я шпион или предатель, хотя, что ж это за шпион, который берет генералов «как бы своей армии» в плен. А переметнуться я мог бы и вчера, сдавшись в плен, а вместо этого, мы совершали нужные нашей армии боевые дела.

– Понимаете, Кольцов, я же вижу, что вы не тот, за кого себя выдаете, я это чувствую всем своим пролетарским нутром, всем опытом борьбы с контрреволюцией и врагами Родины. Вы, как дворянин среди крепостных – другой, а это означает, как я могу предположить, что вы немецкий глубоко законспирированный шпион с далеко идущими задачами.

«Чертов рентген с контрреволюционным опытом, – подумал я, – правда, увидел, что я отличаюсь от современных лейтенантов особенностями поведения. Пока я действительно чужой этому времени, может быть, с годами и сольюсь с народом, а пока явно чужой. Но, что-то делать надо? А вообще, «перец» молодец, тему понимает, несколько раз меня и видел-то, а зацепился. Помню, когда мне было года 43 и, будучи в турпоездке в Чехии, поехал я на экскурсии в Карловы Вары и решил пойти искупаться в их платный бассейн с минеральной карловарской водой. Бассейн был метров 50 на 25, народу достаточно много, поплавал я с одного края, где глубже, потом на скорость эти 50 метров и, хотя, я плаваю уверенно, чтобы не утонуть, но на этой дистанции меня спокойно «сделала» метров на двадцать девушка, очевидно действующая пловчиха.

Расстроенный, что так позорно проиграл девчужке, хотя ее разворот плеч был немногим уже моих, я пошел бродить по бассейну. Поравнявшись с двумя почтенного возраста женщинами из разряда «кому за 60», я был остановлен каким-то вопросом, как к земляку-россиянину. Минут пять пообщались об отдыхе, достопримечательностях, а потом эта женщина меня и спрашивает, мол, вы не в органах работаете? Я не ожидал такого вопроса, но согласно кивнул в ответ: «Да, в органах».

Она, улыбаясь, мне пояснила: «Понимаете, я 40 лет отработала в кадрах КГБ и ФСБ, и мне, зачастую, достаточно посмотреть на человека, чтобы сделать предварительные выводы, которые потом обычно подтверждаются».

Так что опыт не пропьешь, как говорится, но отвечать – то комиссару надо что-то.

– Что значит «не тот»? Товарищ полковой комиссар, может я и отличаюсь от среднестатистического лейтенанта, но у нас в стране что – все военные одинаковые и похожие на усредненного лейтенанта? Ведь все люди разные. Образование, воспитание, новые знания – это все накладывает свой отпечаток на индивидуальность человека, все отличаются друг от друга. Вы общались с учеными, артистами, технарями и гуманитариями – сами знаете, какие они разные. А вы делаете такие серьезные выводы, всего лишь несколько раз увидев меня».

– А почему вы не расстреляли пленного командира танка, он же мог сорвать всю операцию?

– Я дал команду нанести удар по голове, умер бы, значит, умер, а выжил – его счастье. А помешать он нам ничем не мог, мы свои задачи там выполнили.

– Пожалели врага! Ну что же, я вижу, что сознаваться и добровольно сотрудничать вы не хотите.

– Мне не в чем сознаваться, я стараюсь выполнять свой долг, чтобы не было стыдно перед самим собой. А сотрудничать – я итак нахожусь на службе государства.

– Идите, вы свободны, пока свободны.

Я вышел от комиссара на улицу в раздумьях. Он пытался меня, запугивая, завербовать или реально хочет посадить, а точнее, по закону военного времени за шпионаж, который он найдет, как мне подвесить, меня просто расстреляют. Он уж, если сфабрикует доказательства, то это будет что-то убойное – не отвертишься. Скорее всего, пока он только начал прорабатывать вопрос, не доводя свои подозрения по инстанции. Что же, придется искать компромиссы с комиссаром.

Дошел я к своей плащ-палатке, сел и задумался. Ко мне подошел Ледков: «Случилось что, товарищ старший лейтенант...Александр?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.